

Елизавета
Найт

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the right, is a muscular man with dark hair and a beard, wearing a dark suit jacket over a light blue shirt. He has a serious, intense expression. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a red, off-the-shoulder dress. She is looking towards the camera with a slight smile. The background is dark and moody.

ИГРУШКА
для жестокого
БОССА

Елизавета Найт

Игрушка для жестокого босса

<https://litres.ru/74238858>

Аннотация

☆☆ ИСТОРИЯ САИДА И ТАНИ ☆☆

Я чувствовала, что мне не следовало идти в этот клуб. Но как я могла отказать лучшей подруге и не пойти на ее девичник? И кто бы мог подумать, что коктейль на чужой рубашке так круто может изменить мою жизнь и притянуть ко мне кого-то настолько опасного и властного, как Замир Османов - один из братьев Османовых, что являются хозяевами всего города.- Закройте дверь! - командует жесткий голос из глубины вип-комнаты. И охранники моментально испаряются. А навстречу мне из полумрака выходит высокая широкоплечая темная фигура. - Ты хоть знаешь, сколько стоит эта рубашка? - он расстегивает на себе мокрую рубашку и бросает мне под ноги А я гулко сглатываю. - Тебе придется отработать ее и мой испорченный вечер!*** Внимание! Данная книга содержит нецензурную брань, сцены эротического характера, распития спиртных напитков и табакокурения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Визуализация	14
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	48
Глава 11	52
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	70
Глава 15	77
Глава 16	81
Глава 17	85
Глава 18	89
Глава 19	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1

Вслед за подругами выскакиваю из такси и незаметно поправляю задравшийся до неприличия короткий подол коктейльного платья.

Господи, кто бы знал, как я не хотела ехать на этот девичник.

Но мне было неудобно отказать Тане. Потому что она в последнее время так счастлива и только и говорит, что о свадьбе с «Левушкой». А уж про девичник вообще все уши нам с Алисой прожужжала. Как я могла ее обидеть отказом? Тем более мы втроем дружим еще со школы. У меня нет никого ближе них.

А мои проблемы с деньгами, это только мои проблемы. Как-нибудь ужмусь в этом месяце, главное, чтобы бабушке на лекарства хватило.

Картошка есть, капуста квашенная тоже - проживем.

Тем более, что на понедельник у меня назначено сразу три собеседования, хоть в одном месте, но мне повезет.

Скрещиваю пальчики и поворачиваюсь к вывеске.

О, нет! Нет, нет, нет!

Мы же должны были отмечать в «Райском местечке» - неплохой бар, с недорогими закусками и живой музыкой. Можно посидеть за столиком с коктейлем, можно потанцевать.

Но прямо сейчас передо мной возвышается стильное современное трехэтажное здание: черный кирпич и белый неон подсветки.

В узких длинные окнах на втором этаже танцую девочки-завлекалки.

Клуб-бар «Гатчина» самый современный и популярный в городе! Каждая девушка мечтает сюда попасть. Но пройти фейс-контроль почти невозможно. А все потому что там собираются самые богатые и влиятельные люди города.

«Гатчина» не для простых смертных.

Про ценник я вообще молчу.

Даже если представить, что нас туда пустят. Вряд ли мы потянем входной билет. Про меню я вообще молчу.

У нас с Таней была договорённость - мы не покупаем ей подарки на девичник. Вместо этого сами оплачиваем вход и делим расходы по меню на троих.

Нас с Алисой это устроило. Но «Гатчина»!

Судорожно прикидываю в уме, сколько я все-таки смогу себе позволить потратить этой ночью. Выходит до смешного мало. Даже на билет не хватит.

- Тань, девочки, - зову подруг.

Но они уже подхватили друг друга под руку и походкой от бедра направляются ко входу.

Тяжело вздыхаю и иду за ними. С другой стороны, если нас сейчас развернут прямо на входе, мы сможем поехать в «Райский уголок», и мне не придется оправдываться перед

подругами и краснея рассказывать о последнем визите моей матушки в нашу с бабушкой квартиру. О том, что она в очередной раз пока нас не было вызывала слесаря и выбивала замок, рылась в шкафах и нашла бабушкину пенсию. О том, что вместе с пенсией она прихватила мою новую блузку, которую я купила на собеседование, и все продукты из холодильника.

А дверь в квартиру с выбитым замком просто прикрыла, когда исчезала в неизвестном направлении.

В этот раз я как никогда была близка к походу в полицию и заявлению на нее.

Никаких чувств у меня эта женщина не вызывает, кроме злости и презрения.

Кукушка, настоящая кукушка. Подбросила меня своей матери и исчезла почти на десять лет. Ни привета, ни ответа, ни копейки денег.

А потом стала регулярно навещаться, чтобы разжалобить бабушку и выпросить у нее денег на жизнь.

При этом моя мать не бомжевала. Нет, отнюдь. Нормальные шмотки, смартфон, духи и косметика. Вот только все это было куплено или за наш с бабушкой счет, или за счет очередного ухажёра.

Но мать не молодела, а ухажеры мельчали. Поэтому к нам она стала навещаться все чаще. А после того, как я ее выставляла - то преимущественно в наше отсутствие.

Второй причиной, по которой я все-таки пошла, была ба-

бушка.

Она заставила меня собраться, сама выбрала мне платье и практически выставила меня из дому, как только Алиса с Таней подкатили на такси. И наказала хорошо отдохнуть.

И вот теперь я стою за спинами подруг перед липкими изучающими взглядами фейс-контроля и жду, когда нас уже отправят восвояси.

- Вип-зал на имя Льва Чепурнова, - в Таниной улыбке сплетается игривая легкость и превосходство.

Закатываю глаза. Не хочу смотреть на это. Она еще не стала женой Льва, но уже прониклась важностью своей будущей фамилии. Очень известной, кстати, фамилии.

Скольжу взглядом по огромной очереди на вход. Девушки в роскошных нарядах пытаются встать поэффектнее, выставить напоказ свои самые аппетитные места - продать себя. Ведь у каждой только один шанс из ста, что какой-нибудь богатенький папик пройдет мимо этой толпы и заметит именно ее.

Отворачиваюсь. Мерзко.

Передёргиваю плечами. Мне казалось, что от отвращения. Но по спине неожиданно ползут мурашки.

Моих обнажённых плеч касается холодное дыхание осеннего вечера. Обхватываю себя за плечи.

Между лопаток струится холодок. Он ледяным ожогом припечатывает спину. Спускается ниже вдоль позвоночника. Оглаживает талию, заставляя задрожать.

Едва мажет по бедрам, обтянутым тонкой тканью платья и останавливается на голых ногах.

И тут меня неожиданно бросает в жар. Я отчетливо ощущаю, что кто-то оглаживает мои бедра заинтересованным взглядом .

Переступаю с ноги на ногу и оглядываюсь.

Но никого не вижу. Прямо за моей спиной большая парковка «Гатчины». Десятки дорогих автомобилей. Черные тонированные иномарки выстроились в ряд. И больше никого.

Снова передёргиваю плечами. Показалось.

- Проходите, - кивает головой на вход охранник.

- Спасибо, котик, - щурится словно мартовская кошка Таня. - Девочки.

Я еще раз оборачиваюсь, стараясь найти источник прожигающего меня насквозь взгляда. И не нахожу его.

Таня с Алиной подхватывают меня под руки и уже тащат ко входу под завистливые взгляды девушек из огромной очереди.

А я не могу отделаться от мысли, что нам вообще не стоит идти в этот клуб и ничем хорошим это не закончится.

Но кто меня спрашивает?

Глава 2

Внутри клуб просто огромен. Нереальный танцпол, часть которого отделена под сцену. По двум сторонам от нее высокие подиумы с девочками-зажигалками. Неоновые огни и модные биты.

Я с интересом разглядываю нарядно одетую толпу,двигающуюся под зажигательные ритмы.

- Предлагаю немного потусить в баре, а потом подниматься наверх, - Таня пытается перекрычать музыку.

Выбираем места в сторонке. Я забираюсь на высокий стул и прошу у бармена стакан минералки.

К моему удивлению и смущению, наши билеты оказались оплачены.

Танин жених полностью оплатил наш вход, вип-зал и закуски.

- Вась, ты чего? - фыркает Таня, заглядывая мне в стакан.

- Я сегодня без обеда, - оправдываюсь я, - на голодный желудок меня быстро унесет.

Подруга неохотно соглашается, и заказывает им с Алисой по коктейлю.

Выпивают они их практически залпом и тут же тянут меня танцевать.

- Не, - морщусь, - я еще не готова.

- Вась, ну ты чего? Ты зачем сюда пришла? - хмурится

Алиса.

- Порадоваться за Таню и «Левушку», - подражаю голосу невесты, когда она рассказывает о женихе.

- Вот и пошли радоваться! - она тянет меня.

Но я мягко отстраняю ее руку.

- Я чуть позже, правда, - улыбаюсь.

И подруги сдаются.

Они и сами прекрасно знают, что я не любитель шумных мест и больших компаний.

С детства чувствую себя в них неловко.

Это такой небольшой комплекс. Все мое детство нам с бабушкой было тяжело финансово. Я одевалась очень простенько, если не сказать плохо. И всегда были те, кто тыкал меня в это мордой.

Только Таня и Алиса не обращали на это никакого внимания. И наша дружба прошла сквозь года.

И вообще одному Богу известно, как бабушка умудрилась вырастить меня и даже в универе отучить.

Кроме работы, она брала подработки, в нашем доме мыла подъезды, расклеивала объявления. Лишь бы в доме появилась лишняя копейка. А потом появлялась моя мать и все у нее выманивала слезами и заверениями, что вернет в десятикратном размере.

Ага, до сих пор ждем.

Я сотни раз просила бабушку выписать мать по суду, чтобы она не могла выбивать замок. Но бабушка отказывалась.

Все-таки мать была ее дочерью. Пускай непутевой, но родной.

С такими невеселыми мыслями я и остаюсь за стойкой.

Лишь иногда бросаю взгляд на танцпол.

Стараюсь отбросить невесёлые мысли. Но выходи плохо.

Когда тебя что-то беспокоит, просто так отбросить это не выходит.

Поэтому я просто сижу, отвернувшись от стойки и рассеянным взглядом скользя по залу, по гостям, танцующим на возвышениях девочкам-зажигалкам и по мужчинам в дорогих костюмах, что проходят мимо.

Кто-то из них даже предлагает меня угостить. Но я вежливо отказываюсь.

Мне не нужны одноразовые знакомства.

А для серьезных отношений эти мужчины не выбирают девочек у бара.

Закон жизни прост. И я его усвоила уже давно.

- Нам туда! - неожиданно прямо передо мной выныривает из толпы Таня и сдергивает меня со стула. - Третий этаж!

Барная стойка остаётся в стороне. А прямо перед нами мраморная лестница в лучших традициях дореволюционной России с резными перилами.

И мы поднимаемся.

А я снова ощущаю на себе чей-то оценивающий заинтересованный взгляд.

Вот только обернуться не решаюсь. Слишком он тяжелый,

словно бетонной плитой приложили.

В нем чувствуется азарт и ледяная ярость. И все это выливается на меня, заставляя мурашки испуганно разбегаться по коже.

Вип-зал нереально крут. Темная тканевая драпировка на стенах, мягкий приглушенный свет, огромный накрытый стол в стороне, у диванов. И много места для танцев и веселья.

- Девочки! - Алиса вынимает из ведерка со льдом шампанское и разливает его по фужерам. - Предлагаю выпить первый тост за нас!

- Нет! погоди, - отбрасываю на диванчик свой клатч. - Мне не надо шампанского!

- Ну началось! - Алиса закатывает глаза. - Ну хватит уже. Тебе завтра не на работу. Тебе вообще теперь неизвестно когда на работу!

- У меня в понедельник три собеседования. Я почти уверена, что меня возьмут. Хоть куда-нибудь.

- Класс, - Танька плюхается на диван. - Но до понедельника еще два выходных! Тебя же никто не заставляет напиваться до поросычьего визга. Это всего лишь шампанское...

Алиса вкладывает в мою руку фужер.

- ... И тост за нас!

Согласно киваю, но ставлю фужер с шампанским на стол и беру высокий стакан для воды.

Закидываю туда льда, немного амаретто и все это заливаю

вишневым соком. Мммм! Мое любимое! Сочность спелых вишен и терпкость миндаля.

Не успеваю сделать глоток, как невеста подскакивает с места.

- А знаете что? - заговорщицки подмигивает она.
- Что??? - спрашиваем мы хором с Алисой.
- Мы будем гадать!
- Мы? - вырывается у меня.
- Здесь? - кривится Алиса.
- Ага! На жениха! Помните мой день рождения? - она многозначительно поигрывает бровями.

Мы с Алисой киваем, но ничего не понимаем.

- Я тогда как бы случайно пролила на Левку коктейль.
- Да, он еще подошел разбираться.
- Ага, - лукаво улыбается наша невеста. - Вот только это было не случайно. Это было гадание.
- В смысле?
- Ну как святочные гадания. Только в клубе. И вместо ватки через забор, я плеснула коктейль через плечо. И вот он, мой суженный! Работает! Теперь ваша очередь!

Визуализация

Дорогие читатели!

Знакомьтесь с нашей героиней

 Василиса, для друзей просто Вася.
 Скромная, милая девушка, которая вынуждена выживать со старенькой бабушкой и противостоять набегам матери-кукушки. Надеется в скором времени найти работу и порадовать чем-нибудь бабушку!

Глава 3

- Ну ты даешь, - смеюсь я.

- Я пасс! - вскидывает руки Алиса.

- Неа! Не пасс! - Таня берет две зубочистки и отрывает кончик у одной. Зажимает их в руке. - Тяните. Первой начнет та, кто вытянет короткую.

И я тяну. Сама не знаю зачем. Возможно, мне хочется веселья. А может, я не хочу расстраивать Таню.

- Ты первая! - смеется Алиса, вытянув целую зубочистину.

Выдыхаю.

- И что я должна делать?

- Просто перегнись через перила и выплесни коктейль в толпу.

- Что?

- Ага, все просто, - смеется невеста. - Кто придет разбираться и есть твой суженный. Но можем снизить ставки. Пусть побудет твоим спутником на этот вечер!

Она хохочет и хлопает в ладоши.

- А если придут все, на кого попали брызги? - морщусь я.

- Тогда будешь выбирать. Давай уже! - невеста подталкивает меня к перилам.

Медленно выдыхаю.

А что я теряю? Ничего! В лучшем случае никто не придет. В худшем оплачу химчистку.

- Вася, давай! Давай! - хором скандируют подружки.

Перегибаюсь через перила и понимаю, что ни черта я не хочу сейчас разборок ни с кем. И быть чьей-то спутницей на вечер я тоже не хочу. Потому что это не то место и не те люди, с которыми можно повернуть такое вот «гадание».

С облегчением замечаю под нами такую же вип-ложу. С точно таким же огромным открытым балконом. Только пустую.

Наклоняюсь еще ниже. Выхватываю краешек кожаного дивана.

Опускаю руку вниз и не глядя выплёскиваю полный стакан туда.

Ух, повезло!

И свою часть гадания выполнила и никого не задела!

Поднимаюсь, медленно разворачиваюсь к ждущим подругам.

- Ты что, весь бокала вылила? - в ужасе округляет глаза Таня.

- Да. А что? - пожимаю плечами и в очередной раз радуюсь, что вылила коктейль в пустую ложу. А не в толпу людей.

- Так надо было всего небольшой плеск. А так точно вся толпа прибежит.

- Ничего! - заявляет Алиса. - Отобьемся!

И мы неожиданно для самих себя взрываемся дружным хохотом.

Пока дверь в вип-компану не отлетает в сторону с жутким

грохотом от одного меткого удара ногой.

Под наш дружный визг в комнату вваливаются два здоровенных мужика.

Спортивного вида ребята в строгих черных костюмах выглядят довольно устрашающее.

От страха и нехороших предчувствий сердце подскакивает к самому горлу и начинает тревожно биться там.

- Смотри, Вась, это к тебе, - нервно смеется Таня и делает глоток своего шампанского.

Кошусь на замерших статуями парней и очень сомневаюсь, что они пришли знакомиться.

Во все глаза разглядываю парней и отмечаю, что их костюмы безупречны. Нет ни пятнышка.

Тогда кого я облила?

По груди ледяным дымком растекается волнение и предчувствие опасности.

- Кто это сделал? - рычит один из мужчин.

Подруги одновременно указывают наманикюренными пальчиками на меня.

Предательницы!

В их руках полные стаканы с шампанским. А у меня пустой из-под вишневого амаретто.

Быстро прячу его за спину.

Обмануть этим уже никого не могу.

Двое мужчины медленно надвигаются на меня.

По их полным решимости взглядам я понимаю, что вечер

движется не в том направлении, куда должен!

- Что вы себе позволяете? - вспыхивает за моей спиной Таня.

Не успеваю ее успокоить, как она достает телефон и начинает кому-то звонить.

Охранники, а это без сомнения они, замирают, переглядываются и с любопытством наблюдают за Таней.

В наступившей тишине по вип-комнате ползут звуки длинных гудков.

- Лева! - взвизгивает Таня. - Ты мне нужен!

- А? Что? - раздается из динамика недовольный голос Таниного жениха.

- Приезжай скорее! Разберись, тут...

Договорить Таня не успевает. Из трубки отчетливо раздается нежный воркующий женский голос.

- Дорогой, иди в постель. Ты же обещал, что сегодня...

Весь мир переворачивается в эту минуту с ног на голову.

Таня роняет телефон и оседает на пол.

По ее огромным расширенным от ужаса и боли глазам я понимаю, что мне все это не слышалось. Что ее Левушка реально сейчас резвится с какой-то ДРУГОЙ девушкой. И спасти Таню он не собирается.

На лицах охранников читаю чисто мужскую понимающую усмешку. Сволочи!

Алиса стоит посередине комнаты и широко раскрывает рот. Вот только звука нет. Немой крик.

Я и сама замираю и не знаю, что делать.

В этот момент один из охранников грубо хватает меня за руку и тащит на выход.

Глава 4

- Что вы себе позволяете? Пустите! - пытаюсь вырвать руку из стальной хватки охранника.

Но это невозможно. Он не даром есть свой хлеб - стальные мускулы и никакого сострадания.

Пока я брыкаюсь и громко возмущаюсь, с другой стороны меня подхватывает второй охранник.

- Да что это за...? - договорить я не успеваю. Они просто приподнимают меня над полом и тащат за собой.

Сердце тревожно бьётся в груди. Шум бурлящий от страха крови в ушах заглушает все остальные звуки.

В моей голове пульсирует только одна мысль, если эти люди меня сейчас прибьют, вывезут в лес и прикопают под осинкой, кто будет заботиться о бабушке?

И эта мысль не дает мне покоя.

Бабушка!

Я прекрасно знаю, что моя кукушка-мать отберет у нее последнее и бросит умирать голодной смертью, чтобы прибрать к рукам еще и квартиру.

- Прошу, - поскуливаю я тихо. - Это была только шутка...

- Вот сейчас ты это и объяснишь!

Мы уже миновали длинный коридор на третьем этаже, спустились по лестнице и прямо сейчас остановились перед черной полированной дверью с золотой надписью «VIP».

Интересно. На третьем этаже тоже випки. Но на дверях там нет табличек, да и ковролин там другой, и свет в коридоре режет глаза.

Если бы я не видела этот коридор и эти двери, я бы считала, что мы отдыхали в самом крутом месте.

Но сейчас.... У меня такое ощущение словно более дешевый дизайнер на третьем этаже пытался повторить дизайн именно этого коридора.

Черные полированные двери, золотые светильники и бра на стенах с приглушённым мягким светом, дорогая ковровая дорожка, в которую проваливаются мои шпильки. Все просто кричит о неприличном богатстве гостей, что могут позволить себе отдых в этих комнатах.

Один из охранников стучит в дверь и замирает на выправку.

Станный.

С другой стороны раздаётся приглушённое «заводите» и у меня мурашки по спине пробегают от этого голоса.

Глубокий, грудной с легкой хрипотцой и ощущением собственной власти.

Охранники распахивают дверь и практически заталкивают меня внутрь.

- Закройте дверь! - командует пробирающийся до костей своей жесткостью голос из глубины вип-комнаты.

Клубящаяся темнота скрывает от меня мужчину.

Охранники моментально испаряются, тихонько прикрыв

за собой дверь.

А навстречу мне из полумрака выходит высокая широко-плечая фигура.

Мокрая рубашка облепила накачанные литые мышцы на мужской груди и плечах.

Полоска тусклого света лениво скользит по нему, касается шеи и замирает, едва дойдя до подбородка.

Сердце разрывается от напряжения.

Мужчина медленно расстегивает каждую пуговицу, неторопливо снимает золотые запонки, со звоном бросает их на столик и начинает стягивать рубашку.

Его мышцы напрягаются и перекатываются под смуглой кожей.

- Ты хоть знаешь, сколько стоит эта рубашка? - он бросает ее мне под ноги.

А я гулко сглатываю.

- Тебе придется отработать ее и мой испорченный вечер!
- рычит он.

И я понимаю умом, что мне надо развернуться и бежать.

Бежать как можно дальше и быстрее.

Но я не могу.

Я словно приросла к месту. Расширенными от ужаса глазами я смотрю на приближающегося ко мне мужчину. И ничего не могу сделать.

Только стоять, хлопать глазами и прижимать ладонь к груди, удерживая трепещущее сердце в груди.

Он подходит ближе. Задевает шелк моего платья. И даже через одежду я чувствую жар его тела.

- Раздевайся, - рокошет он надо мной.

- Что? - мои глаза округляются. А губы начинают подрагивать от накатывающей истерики.

- Я хочу тебя трахнуть. Прямо сейчас. Ты разве не за этим сюда пришла?

- Я... нет... - слезы повисают на ресницах и я почти жалею, что он их не видит.

- Хм, а мне казалось, что ты бойкая девочка, - хмыкает он.

- Я? - во рту пересыхает.

- Ты, ты. Смотри...

Он щелкает пальцами и на огромном экране в глубине комнаты вспыхивают записи с камер наблюдения клубом.

На них мы с девочками заходим в клуб, садимся в баре и делаем заказ.

Смотрю и не могу понять как? Откуда у него эти записи? Зачем они ему? И что я должна на них увидеть?

И почему он решил, что я должна раздеться по щелчку его пальцев?

Как только подруги скрываются в толпе на танцполе, камера фокусируется только на мне.

Она выхватывает момент, когда ко мне подходит один из гостей и предлагает угостить. Я вежливо отказываюсь. А он поджимает недовольно губы и уходит.

А я разворачиваюсь на стуле и смотрю на танцующих го-

стей, постукивая ноготком по бокалу в такт музыке.

- Достаточно? Или еще хочешь посмотреть? - усмехается он.

- Посмотреть на что? - я не понимаю.

- Как ты пытаешься снять мужика в моем клубе?

- Я не... - кровь бросается мне в лицо. Щеки, уши и шея начинают нещадно гореть.

- Детка, вы все так говорите. «Я не такая... я пришла отдохнуть». Но я вижу тебя насквозь. Ты пришла в мой клуб подцепить богатого папика на ночь или на пару часов, как повезет. Но ты просчиталась...

Его жесткие пальцы впиваются в мой подбородок и заставляют меня поднять голову.

- Я никому не позволяю заниматься проституцией в моем клубе. Те, кто этого не понимают, ждет наказание. Как тебя. Прямо сейчас. Так что или раздевайся, или я вызываю ментов и сдаю им тебя...

Глава 5

- Вы все не так поняли, - отступаю на пол шага назад.

И, кажется, это моя ошибка.

Потому что мужчина подается вперед.

Впивается длинными жесткими пальцами с мою руку и резко дергает на себя.

В тусклом свете успеваю различить хищный, смутно знакомый профиль, горящий азартом взгляд и чувственные губы, дрогнувшие в усмешке.

- Прошу... - я пытаюсь освободиться.

Но он сжимает все сильнее.

Его хватка обжигает. Кожа горит и зудит от его прикосновений.

Вдоль позвоночника бегут взволнованные мурашки. А сердце тревожно бьется в груди.

- Нет, - он усмехается. - Все перспективы я тебе уже обрисовал. Или ты отрабатываешь, или уезжаешь в отдел и будешь отрабатывать уже там. И не мне...

Он облизывает верхнюю губу. Быстро. Едва заметно.

Но меня в жар бросает от этого.

- Какой отдел? Вам никто не поверит. Я пришла с подругами!

- С теми, которые заняли випку на чужое имя? С теми, что уже прямо сейчас ловят такси до дома на стоянке?

- Они не могли... - выдыхаю я.

- Оставить тебя? - он усмехается зло. - Своя шкура ближе к телу, девочка. Закон жизни прост. А вот ты...

- Я буду кричать! - выдыхаю я. Меня всю потрясывает от напряжения и страха.

- Будешь, - он усмехается. - Каждую минуту, пока я буду трахать тебя, ты будешь кричать. И молить о продолжении.

Кровь приливает к лицу и пятнами стекает на шею. Щеки горят от стыда.

Что он такое говорит?

- Не приближайтесь! - я выставляю между нами вторую руку.

Касаюсь ладонью его обнажённой груди. И едва могу сдерживать стон.

Его гладкая бархатистая кожа заставляет меня вздрогнуть. А жар его тела передаётся мне.

Сердце ускоряется, кровь огненной волной на запредельной скорости проносится по телу.

Низ живота наливается расплавленным желанием, а промежность пульсирует от прилившей крови.

Странная, отвратительная реакция.

Никак не могу понять, что это такое!

Он пугает меня! До дрожи, до ужаса!

И при этом я ТАК реагирую на него.

- Да? - он приподнимает вопросительно бровь. - Точно? А может мне наоборот надо приблизиться?

Он делает еще один шаг ко мне.

Моя рука упирается в его грудь.

Под ладошкой размеренно бьется огромное мужское сердце.

При каждом ударе его грудная клетка приподнимается и удар отдаётся точно мне в ладонь.

Стук-стук-стук.

По виску стекает капля пота.

- Я не...

- Тебе понравится, - шепчет он хрипло, - со мной... а вот в отделении не очень...

- Я, - облизываю пересохшие губы, - я скажу им, что это вранье...

- Это будет всего лишь твое слово против моего, малыш-ка...

Он делает еще пол шага и нависает надо мной. Короткие черные пряди обрамляют смуглое лицо.

Хищный карий взгляд не отпускает ни на секунду. Чувственные губы улыбаются, приоткрываются, обнажая практически вампирский оскал.

Я смотрю и не могу отвести взгляд.

Гулко сглатываю и это служит для мужчины своеобразным сигналом.

Он наклоняется, прижимает своим мощным телом меня к двери и жадно набрасывается на мои губы.

Меня же снова и снова бьет электрическими разрядами.

Напряжённые нервы сокращаются, заставляя меня дрожать в его руках.

Его губы обхватывают мои, жадно вытягивают и терзают. Никакой нежности.

Только животная страсть.

Его язык резко и настойчиво раздвигает мои губы, проникает в рот.

По языку разливается терпкий привкус дорогого алкоголя и табака.

Его ладонь опускается на мой затылок, зарывается в мои волосы и мягко массирует кожу.

Одна за другой волны дикого огня прокатываются по мне.

Мир меркнет и сужается до одного конкретного мужчины.

Что со мной происходит?

Я не могу думать ни о чем кроме него.

Ноги слабеют. Боюсь упасть.

Его язык настойчиво движется внутри моего рта. Он завоёвывает пространство, в то время как я таю в его руках.

Нежные поглаживания нёба, заигрывания с языком, легкие касания кончиком языка моих губ распалют меня, заставляют включиться в игру.

Несмело, неопытно пытаюсь поймать его язык губами.

Он рычит в ответ, хватка на моем затылке становится жестче, не давая мне отстраниться.

- Хорошая девочка, - рычит он мне в губы. — Так и надо.

Глава 6

Но я то знаю, что так не надо!

Что так не должно быть!

И я совсем не такая!

Я не ложусь под первого встречного, чтобы он ни сказал и не пообещал.

Но почему-то мои мысли и воля оказываются парализованы. Я не могу справиться с натиском этого мужчины.

Слишком напористый, слишком горячий, слишком наглый и самоуверенный.

А я...

А я понятия не имею, что мне делать и как сейчас от него уйти.

Я вся превращаюсь в оголенный нерв. От страха и напряжения дрожу в его руках.

Его прикосновения обжигают, порабащают и обещают что-то неизведанное и такое опасное.

Его поцелуй лишает воли, рождает желание и полностью подчиняет меня себя.

И я не знаю, чем бы закончился этот вечер. Если бы в дверь прямо за моей спиной не постучали.

Громкий стук сотрясает дверь вместе со мной.

Он отрывается от моих губ, рычит и сильнее сгребает мои волосы в кулак, пока тянется с ручке на двери.

- Что надо? - рывкает он невидимому для меня визитёру так, что у меня сердце в пятки уходит.

- Замир Назирович, - слышу голос охранника. - Там Соколов дожидается вас уже десять минут, вы просили...

- Даа, - тянет он разочарованно. - Просил.

Его темный опасный взгляд соскальзывает на меня, а потом обратно на охранника.

Замир кивает ему и захлопывает дверь.

- Дождёшься меня здесь! - рывкает он мне и подходит к шкафу. Достает новую белоснежную рубашку и натягивает на голое тело. - Я вернусь и мы продолжим, малышка...

Он не дожидается ответа. Выходит и хлопает дверью.

А я стекаю по стеночке прямо на пол.

Закрываю пылающее лицо руками и всхлипываю.

Виски пульсируют от боли и напряжения. Щеки и шея горят от стыда и разочарования в себе.

Что это было?

Почему я стояла и послушно целовалась с ним? Почему не попробовала отбиться? Или сбежать?

На эти вопросы у меня нет ответов.

И только через пять минут на полу, в неподвижной позе я начинаю медленно приходить в себя.

Страх и онемение отходят на второй план. Остаётся дикое желание сбежать. Исчезнуть. И больше никогда не видеть ни этот клуб, ни этого мужчину.

С трудом поднимаюсь.

На негнущихся ногах подхожу к двери и дергаю ее.

Я ожидаю всего, что угодно, но только не этого.

Она открыта. Вот так просто.

Открыта. И за ней нет толпы охранников.

Пустой коридор и свободный выход.

Выхожу и оглядываюсь. Но все действительно пусто.

Бросаюсь на выход.

За несколько секунд преодолеваю два лестничных пролета, танцевальный зал, охранников на выходе и вылетаю на парковку.

Мне вслед доносится свист, но он сливается с шумом крови в ушах.

Плывать я на него хотела.

Чем дальше я от клуба, тем бегу быстрее.

Короткое коктейльное платье уже давно задралось. Но мне плевать, главное оказаться отсюда подальше.

И только через два квартала я замедляюсь, поправляю платье и подрагивающими пальчиками пытаюсь разблокировать телефон и запустить приложение для заказа такси.

А еще через полчаса я уже подъезжаю к дому.

Сжимаю кулачки до боли и не могу заставить себя выйти из машины.

Я знаю, что бабушка не спит и ждет меня.

Вон горит наше кухонное окно на пятом этаже.

Сейчас она будет спрашивать, как прошел Танин девичник.

А что я могу ей сказать?

Что Танин жених ей изменил? Что свадьбы вообще скорее всего не будет, а я...

Кровь приливает к лицу.

Зажмуриваюсь.

Бабушка меня насквозь видит. И точно знает, когда я вру.

Я просто не смогу ей сказать. Что все прошло хорошо. И нам было весело.

Потому что весело нам не было. Ни разу...

- Девушка!

Вздрагиваю от нетерпеливого окрика.

Смотрю на таксиста словно впервые его вижу.

- Выходим, приехали! - рявкает он грубо.

Я киваю и выхожу.

Надо идти домой.

Иначе бабушка будет волноваться. А что ей сказать... Я что-нибудь придумаю.

Поднимаюсь на пятый этаж и глубоко вдохнув звоню в дверь. Но к моему удивлению и нарастающему внутри непонятному волнению, бабушка не торопится мне открывать.

Звоню еще раз, и еще.

Может, она уснула?

Я бы не стала ее будить. Но мои ключи остались в клатче в клубе.

Поэтому я снова жму на звонок.

А через минуту я вообще не убираю палец со звонка. Че-

рез металлическую дверь я слышу его приглушённую трель. А вот бабушкиных шагов я не слышу. И это вызывает у меня приступ паники.

Почему он не открывает? Что случилось?

Глава 7

Не добившись ответа, я бросаюсь к соседке.

Тетя Таня - старинная бабушкина приятельница и наша соседка на протяжении многих лет.

Бабушка часто рассказывала, что они с тетей Таней единственные, кто остался жить в нашем доме с самого момента его сдачи.

У бабушки отец был ударником труда - его премировали крохотной хрущевкой в «престижном районе» с новостройками.

А у тети Тани отец был директором завода и выбил себе трешку. Хотя с единственной дочерью ему была положена двушка.

Вот так они и стали жить в нашем доме, познакомились и сдружились.

Их родители уже давно умерли, семьи по разным причинам развалились и им обоим пришлось вернуться под родительский кров. А теперь, как они говорят. Они просто доживают.

И по этой причине они оставляют друг другу ключи от квартир.

Весной умерла соседка со второго подъезда - одинокая тихая старушка.

Когда ее хватились, не смогли попасть в квартиру, через

управляющую компанию стали искать родственников. Оказалось они живут в другом городе и так быстро с ключами приехать не могут.

Вызвали участкового, он службу спасения.

Вместе они и нашли ее. Уже мертвую.

У нее случился инсульт. И если бы у кого-то были ключи от ее квартиры, скорее всего, ее можно было спасти. Но пока бегали и что-то искали - время было упущено.

Вот поэтому бабушка с тетей Таней вручили друг другу по связке ключей и стали спать спокойно.

До боли, до дрожи в пальце давя на кнопку соседского звонка.

Через долгих три минуты раздается щелчок замка и прямо передо мной появляется заспанная соседка и недовольно ворчит.

- Вась? Ты что ли? Чего шляешься по ночам?

Она поправляет расползающийся на большой груди халат и недовольно зеваает.

- Теть Таня, я ключи потеряла, - отчаянно краснею, но выдерживаю ее тяжелый взгляд, - а бабушка не открывает. Дайте, пожалуйста ключи, вдруг бабушке плохо.

Я стараюсь переключить внимание соседки на бабушку, чтобы мне не пришлось объяснять, почему я посередине ночи ломлюсь к ней в таком виде и почему я вообще в таком виде.

- Конечно, конечно, - охает соседка, на пару минут скры-

вається за дверью и тут же выносит мне крупную связку. - Ну чего встала?

Тетя Таня отталкивает меня с прохода и сама подходит к нашей двери.

- Открывай давай!

- Теть Тань, я сама справлюсь...

- Вижу я как вы справляетесь! Открывай говорю.

На споры у меня нет ни сил, ни желания.

Вставляю ключ, проворачиваю несколько оборотов и распахиваю дверь внутрь.

Не успеваю зайти в крохотную приюжку. Как вижу ее.

Она лежит ничком прямо в коридоре, ночнушка сбилась и задролась, руки раскинуты в стороны. Остановить свое падение она даже не старалась.

Лица ее не вижу, она упала вперед и частично завалилась на кухню, а застично осталась в коридоре.

Прижимаю ладони ко рту и давлю подступающий крик в зародыше.

- Что так, Вась? Что?

Соседка пытается меня оттолкнуть. Но я ей этого не позволяю.

Перехватываю за плечи. Разворачиваю и придаю ускорения.

- Тетя Таня, вызовите нам срочно скорую. Бабушке плохо, - врываюсь обратно в квартиру.

Вбегаю в квартиру и падаю на колени перед бабушкой,

подхватываю ее похолодевшую руку.

Черт! Слезы срываются с глаз.

- Бабушка! - с трудом переворачиваю ее и замечаю, что на лице появилась явная асимметричность. Уголок рта провис, да и глаз стал какой-то другой.

Растираю ее руки, подношу их к своему рту и пытаюсь согреть дыханием.

В ответ прямо у меня под пальчиками слабо бьется артерия.

- Жива! Жива! - смеюсь я сквозь слезы и поднимаю лицо к потолку. - Бабушка, все будет хорошо! Я тебе обещаю.

В это время в квартире снова появляется тетя Таня.

- Где скорая?

- Едут, - кивает соседка. - Ох, Ирина, Ирина, что же с тобой приключилось?

Теперь уже она всхлипывает, а я одной рукой придерживаю бабушкину голову, а другой стираю слезы со своих щек.

Что случилось?

Я практически на сто процентов уверена, что у бабушкиного состояние есть весьма определённая причина. И зовут эту причину - моя мать!

Глава 8

До приезда скорой успеваю скинуть вызывающее коктейльное платье, натянуть джинсы и водолазку прямо на голое тело.

А вот умыть и как-то собрать растрепавшиеся локоны я уже не успеваю.

Да и плевать.

Как только в квартиру без стука заходит тучный фельдшер в ярко-синей форме и с укладкой, мне становится не до чего.

Лишь бабушку забрали. Лишь бы ей помогли.

- Что случилось? - лениво оглядывая обшарпанные бумажные обои, интересуется фельдшер.

- Бабушка, вот, - я опускаюсь на колени перед бабушкой и едва сдерживаю слезы. - У нее инсульт. Наверное.

- Угу, - недовольно жует губами фельдшер. - Сколько так лежит?

- Я... я не знаю, меня не было дома, - отчаянно краснею.

- Понятно, - фельдшер открывает бланк вызова и начинает его неторопливо заполнять.

- Может, мы уже поедем? - нервничаю я.

- Поедем, поедem, сейчас документы заполним и поедem. Кто спускать будет?

- Что простите? - моргаю удивленно.

- Бабушку вашу, спрашиваю, кто вниз спускать будет. С пятого этажа?

До меня даже смысл ее слов не сразу доходит. Что значит, кто будет спускать? Скорая!

Но тут я понимаю, что кроме меня и ее в нашей крохотной прихожей никого. И фельдшер совершенно точно спускать никого не собирается.

- Носилки в машине, - зачем-то уточняет она.

Я киваю и бросаюсь по соседям. С трудом мне удастся достучаться до алкаша Мишки на первом этаже. На мое счастье вечером у него была гулянка и собутыльника завалились спать у него. Когда-то бабушка у Мишки была учительницей. Он огрызался со всеми, кроме бабушки. Видимо сохранил остатки уважения.

Поэтому он тут же согласился и распинал своих товарищей. Они быстро и очень осторожно спустили бабушку, а от протянутых пятисот рублей отказались под Мишиным грозным взглядом.

Остаток ночи и почти весь следующий день я провожу в больнице.

Это очень сложно.

Морально и физически.

Приемный покой, ожидание.

Уставший и неприветливый врач, который тут же выговорил мне все, что он думает о ночных приездах с инсультами, которым уже несколько часов.

Как будто я специально ждала эти несколько часов, чтобы именно в три часа поднять его.

Я с трудом давлю подступающую истерику.

Мы же не специально! Так получилось.
Бабушке стало плохо ночью. Возможно, она поэтому и встала, решила глотнуть водички или пошла померять давление. Но не дошла.

И к этому врачу я же не домой пришла за христа ради.

Нас привезла скорая, в приемный покой. Но все равно я вынуждена выслушивать его недовольство, извиняться или молча проглатывать все это.

Неприятно и больно.

Но я держусь.

Потому что это ради бабушки.

Сейчас ей здесь помогут.

После короткого осмотра невролог или нейрохирург, я так и не разобралась, отправляют бабушку на МРТ, а после сразу в реанимацию со страшным диагнозом: геморрагический инсульт, кровоизлияние в мозг.

Бегу следом за каталкой, но у дверей реанимационного отделения меня останавливают.

- Нельзя, - категорически заявляет медсестра.

- Но как же? - слезы звенят в голосе.

- Нельзя, - ее серьезный холодный взгляд теплеет. - Ну что ты? Она в реанимации. Здесь ты ей чем поможешь?

- Но как она одна? - слезы все-таки срываються и катятся

по щекам.

- Успокойся, - она подходит ближе и неожиданно по теплоте, по родственному сжимает мою ладонь. - У нас хорошие врачи, сделают, что могут. Она сейчас без сознания. Ей ничего не надо. Записывай номер поста и после двенадцати звони, узнавай как дела у бабушки.

- Я посижу тут...

- Иди домой, выпишь. Скоро пересменка. Теперь никто ничего уже не скажет. Потом утренняя конференция, обходы, назначения. До двенадцати ничего нового не будет.

Но я все равно остаюсь, сажусь на кушетку прямо напротив пластиковых дверей в реанимацию и несколько часов просто гипнотизирую ее.

Я не замечаю ничего вокруг, не слышу звонков от подруг и соседки. Просто смотрю на дверь и молюсь, чтобы бабушка поправилась. Потому что кроме нее у меня никого нет. Во всем огромном мире.

Сижу и жду ровно до того момента, пока ко мне не выходит врач и не говорит:

- Мы сделали все, что могли...

Глава 9

Я едва помню, как добираюсь до дома.

Поездка на метро оборачивается взглядом в одну точку. Размытую точку, потому что в глазах стоят слезы.

На секунду ловлю на себе заинтересованный взгляд какого-то парня и не сразу понимаю, в чем дело. Что его могло так заинтересовать во мне?

И только у дома, под пристальными взглядами соседок у подъезда и глупых смешков школьников понимаю, что под тонкой водолазкой соски собрались в упругие горошины и выпирают крайне неприлично.

Краснею, бледнею и спешу скорее скрыться за металлической дверью подъезда.

Лифт категорически отказывается ко мне ехать и поэтому плетусь по лестнице.

После бессонной ночи в больнице ноги подгибаются и я просто замираю на каждом пролете, чтобы собраться с силами и духом, чтобы зайти в нашу с бабушкой квартиру.

Горло сжимает спазм. А рыдания рвутся из груди.

- Вася? Вася, ты чего? - тетя Таня выскакивает из квартиры и бросается ко мне.

Обнимает крепко, как родная, поддерживает и помогает преодолеть последний лестничный пролет.

- Бабушка... - всхлипываю я.

- Спаси Хоспади, - всплескивает руками тетя Таня. - Как Ира?

Ее голос дрожит.

- В тяжелом состоянии, - выдыхаю я. - В реанимации.

- Ох, горе какое, горюшко, - на глазах соседки появляются слезы.

И это слезы искренней боли и печали. Пускай, лучшими подругами с бабушкой они не были, но большую часть своей жизни прожили бок о бок. И возможно, в каких-то моментах стали роднее, чем родственники по крови.

А в их возрасте такое тесное общение и вовсе становится частью жизни и сознания.

- Может, чего собрать, а Вась? В больницу, ты только скажи.

- Теть Тань, - голос дрожит и не слушается, - врачи не дают никаких гарантий. Геморрагический инсульт, кровоизлияние. Еще и ритм сорвался.

Я тяжело опираюсь о руку соседки и дрожащими пальцами пытаюсь достать ключи из кармана.

- Будем молиться, Вась, будем молиться. Я сегодня до церкви дойду, свечку поставлю за здоровье Ирины...

Из нашей с бабушкой квартиры раздается грохот. Сердце замирает.

Что это? Окно от ветра грохнуло или воры или?

Толкаю дверь и она оказывается не запертой. Но я точно помню, как упрямо крутила ключ в замке, когда уезжала но-

чью со скорой.

- Не ходи, Вась! - пытается удержать меня за руку соседка.
- Давай полицию вызовем...

В темном коридоре замечаю пару красных лакированных туфель и сумочку под них. В нос ударяет запах дорогих духов.

- Не надо полиции, - выдыхаю обреченно. - Это мама приехала в гости.

- Тфу ты, прости Хоспаде, - ругается сквозь зубы тетя Таня, - принесла нелегкая и нашу Галинку!

Она крепче сжимает мою ладонь и твердо намеревается войти со мной в квартиру.

- Все хорошо, тетя Тань, - останавливаю ее. - Я сама.
- Уверена? - щурится соседка. Она прекрасно знает мою мать и все ее фокусы и выкрутасы.

Но я уверена как никогда. Не хочу выносить сор из избы. А мама способна на любые скандалы и провокации, и больше всего она любит зрителей.

Поэтому быстро захожу в темную прихожую, оставляю старенькие кроссовки рядом с новеньки туфлями матери, захлопываю дверь и шагаю внутрь.

Из зала снова раздается грохот.

Направляюсь туда.

Посередине комнаты стоит мать и сдувает выбившиеся из прически пряди, а вокруг нее настоящий хаос.

Она умудрилась вытянуть и перевернуть все из старень-

кой стенки: постельное белье, полотенца, бабушкины халаты и ночнушки. Даже в короб для белья под диваном заглянула и перетрясла все коробки с зимней обувью.

- И что ты здесь ищешь? - я едва сдерживаюсь.

Голос дрожит от злости и ярости.

Складываю руки на груди и прислоняюсь к дверному косяку. Иначе просто наброшусь на нее и вырву ее дорого обесцвеченные пряди.

- Вася? - мама вздрагивает.

А кого она еще ожидала здесь увидеть?

- Василиса, - поправляю ее.

- Хм, как была хамкой, так и осталась, - мать быстро берет себя в руки и на ее лице появляется извечное надменное выражение.

- Я так и не услышала, зачем ты сюда пришла и что ищешь?

- А что, - она брезгливо перешагивает через вывернутый наизнанку комплект постельного белья, - мне нужен повод, чтобы прийти домой?

- Это не твой дом! - рычу я.

- С этим могу поспорить, - она поправляет на груди тонкую шелковую блузку. МОЮ блузку, ту самую в которой я завтра собиралась идти на собеседование.

- Решила вернуть вещи? - приподнимаю бровь и очень красноречиво смотрю на юлузку.

Но мать предпочитает не обращать на это внимание. Про-

ходит мимо и идет на кухню.

Не отстаю от нее ни на шаг. Захожу следом и приваливаюсь к двери холодильника, прожигаю «родительницу» злым взглядом.

В крохотной шестиметровой кухне она разворачивается, безглаголиво поджимает губы и щелкает электрический чайник.

- Кофейку хоть можно попить?

- Пей, если принесла, - чеканю каждое слово. - Мы еще с прошлого твоего захода продукты не докупили.

Ее взгляд сверкает недовольством, а пухлые подкаченные губки распахиваются, чтобы что-то мне возразить.

- Я смотрю, мне в этом доме не рады, - она обиженно дует и достает из шкафчика кружку, безглаголиво ее разглядывает и ставит с грохотом на стол.

- А чему радоваться? Тому что ты опять ворвалась в наш дом? Тому, что опять искала деньги? Тому, что утащила мои вещи и делаешь вид, что это твое? Или ты тут свою совесть искала? Может где и закатилась! - выплевываю ядовито. - Только она такая крохотная, что ее не видно!

Я наверное, впервые за очень долгое время позволяю разговаривать себе с матерью так. Как она того заслуживает.

Потому что она заслуживает!

Стареющая кукушка, которая бросила единственную дочь и престарелую мать на произвол судьбы, молодиться и хорохорится за нас счет, а сама при этом ничего из себя не пред-

ставляет.

- Так! - резко отодвигает стул мать. - Я зайду в другой раз.

- Ага, заходи, сумки хозяйственный захватить не забудь, вдруг что еще вынести придется.

- Хамка! - выплевывает она мне в лицо. - Наглая, невоспитанная нахалка!

- Еще какая, - улыбаюсь сквозь слезы ей прямо в лицо. - Воспитывать то было некому! Бабушка работала, а мать скакала с хуя на хуй!

Звонкая пощечина оглашает крохотную кухню.

Глава 10

Она все-таки осмелилась!

И влепила мне пощечину!

Первый раз в жизни!

Правда, собиралась она это сделать уже, наверное, сотню раз! Вот только бабушка ей не давала. Сглаживала углы, перехватывала ее руку или заслоняла меня собой об безумной Галинки. А потом по ночам плакала в подушку и думала, что я не слышу.

Плакала, потому что чувствовала свою вину за воспитание этой дряни.

Но я никогда не винила бабушку, мать сама сделала из себя ЭТО. Ушла из дома и вернулась с пищащим свертком, чтобы снова уйти.

Как она вообще не сгнула - не понятно.

Видимо, выплыла на чьем-то жирном члене.

Прижимаю холодную ладонь к щеке, что горит от ее удара.

Мать замирает напротив и растирает свою ладонь.

- Довольна? - вскидывает она подбородок.

- Очень, - отвечаю, не задумываясь. - Ты мне в очередной раз напомнила, что жалеть тебя и о тебе не стоит. А теперь, будь добра, убирайся, Галина.

- Я никуда не уйду, - она садится на стул, высыпает из стеклянной банки остатки моего кофе в кружку и заливает

их кипятком.

Делает большой глоток и оставляет кружку и морщится.

- Редкостная дрянь.

- Ну так и иди, выпей где-нибудь «нормальный кофе».

- Я бы с удовольствием, но мне нужно переговорить с матерью. Кстати, где она? - мать оборачивается с таким видом, как будто ожидает увидеть бабушку у себя за спиной.

Тварь неблагодарная!

- Бабушка... - голос меня подводит, дрожит и срывается на шепот. На глаза набегает слезы. Всхлипываю и стараюсь их скорее сморгнуть. - Бабушке ночью стало плохо, ее увезла скорая.

Не знаю, чего я ждала от матери, может беспокойствия или хотя бы сочувствия. Но она только постукивает длинными красными ногтями по столешнице и вытягивает разочарованно губы в трубочку.

- Херово, - отрезает она недовольно.

- Еще как, - парирую я.

- Ну актриса! - мать поднимается, громко отставив стул. - Я же ей сказала, что сегодня зайду. А она даже скорую развела, лишь бы со мной не встречаться...

- Что? - я шагаю к ней и она отшатывается. - Ты вообще в своем уме? У бабушки инсульт! Я нашла ее на полу без сознания! Она чуть не умерла! И вообще не известно выкарабкается или нет!

Я уже не сдерживаю себя и кричу. Кричу от боли, от зло-

сти, от раздражения на эту женщину, которая вспоминает наш адрес только тогда, когда ей что-то от нас нужно!

- Ну что ж, - мать отряхивает несуществующие складки со своей юбки и обходит меня. - Давно пора.

- Что? - я резко разворачиваюсь и с моих ресниц срываются слезы.

- Я говорю. Что этого следовало ожидать и я ничему не удивляюсь. И если бабка не выкарабкается - это будет закономерный исход. Жалко? Да. Но она хорошо пожила. Так что... - она разводит руками.

- Ты что несешь, дура? - я больше не сдерживаюсь. - Пожила? Да она всю жизнь выживала. Сначала тебя тянула, потом меня! Она и сейчас еще пытается в тайне от меня подрабатывать! А ты приходишь и выносишь из квартиры все ценное!

- Не драматизируй, - морщится мать. - Я не просила ее меня рожать. Да и тебя она могла сдать в детдом. Пользы было бы больше.

Я задыхаюсь от боли и ярости.

Еще хоть слово и я сама ударю эту гадюку!

И кажется, мать это прекрасно понимает, потому что быстро выскакивает в коридор, натягивает свои красные лодочки, подхватывает сумочку и распахивает дверь.

На пороге оборачивается и выдает.

- Готовься, «доченька», - шипит она с выражением превосходства на лице, - когда бабка помрет - ты вылетишь из

этой квартиры как пробка! Из МОЕЙ квартиры! Я - единственная наследница, а ты - никто, - выплевывает она мне в лицо и громко хлопает дверью, пока я стою и удивленно моргаю.

Я вообще никогда не задумывалась, что будет с квартирой, если бабушки не станет. Потому, что я вообще никогда не думала, что с бабушкой может что-то случиться. Но теперь...

Надо с кем-то проконсультироваться. Иначе я действительно в какой-то момент просто окажусь на улице. Мать меня не пожалеет.

Запираюсь изнутри и бреду в свою комнату, падаю перед ноутбуком и проверяю на всякий случай почту.

Три подтверждения на завтрашние собеседования.

Вот черт! Я уже совершенно про них забыла.

И наверное, отказалась бы. НО я не могу!

Бабушке понадобятся деньги на лекарства и реабилитацию, а мне надо откладывать теперь на черный день. Иначе рискую стать бомжом.

Глава 11

Остаток вечера уходит на уборку после визита матери.

Собираю вывернутое на изнанку постельное, разбросанные по залу полотенца и бабушкино белье.

Вот тварь!

Сортирую, что стоит перестирать, а что можно вернуть в шкаф на место.

Что она здесь искала?

Деньги?

Мы ученые - денег дома не храним.

Бабушкину сберкнижку?

Так мы ее закрыли.

Карточку?

Уже воровала, мы перевели все на счет. Я управляю им через банковское приложение.

Открываю и закрываю дверцы шкафов и полочек, но ума не могу приложить, что здесь могло понадобиться матери.

Очень надеюсь, что она не нашла то, зачем приходила.

Укладываясь без задних ног в кровать я думаю о том, что может, все-таки поменять замок. Опять.

Вот только это ничего не даст. Мать прописана в этой квартире. И просто вызовет слесаря и в очередной раз сломает замок.

Проваливаюсь в тяжелый сон, без сновидений. Он не при-

носит мне не покоя, ни бодрости.

Утром просыпаюсь от настойчивой трели телефона.

- Да? - бурчу сквозь сон.

- Вася? Слава богу! Я все выходные не могла до тебя дозвониться.

- Я писала, - отвечаю односложно и силюсь вспомнить кому из девчонок я все-таки писала. Вроде Алисе и писала.

- Да, но мы с Таней переживали за тебя в пятницу, даже хотели полицию вызвать. А потом увидели, как ты пулей вылетела из клуба, даже на нас не посмотрела... - Алиса тараторит, а у меня что-то не сходится в голове.

Ведь тот мужчина сказал, что девочки бросили меня!

- погоди, а вы разве не уехали? - с трудом разлепляю глаза и смотрю на светлое небо за окном.

- Ты что? - пищит Алиса возмущенно. - Нас выставили из клуба, но мы никуда не ушли. Я же говорю, собрались звонить в полицию. А тут ты... мимо нас... я тебе кричала, но ты прыгнула в такси и умчалась. А я не могла Таню бросить. Ее Лев...

Я все-таки понимаю, что меня смущает: слишком светлое небо в окне и тишина вокруг. Над головой не грохочет мебель у соседей, что живут надо мной и каждое утро топают как слоны, со двора не доносятся звуки прогревающихся и заводящихся машин.

- Помнишь, Таньку Лев бросил...

Я убираю смартфон от уха и еб твою мать!

Я проспала!

Время десять часов!

А первое собеседование у меня назначено было на девять!

Твою мать!

Подскакиваю и начинаю носиться по квартире.

- Алис, слушай, я проспала. И бабушка в больнице. Я перезвоню тебе. Вечером, -не дожидаясь ответа, бросаю трубку.

Так быстро я еще никогда не собиралась.

Ледяной душ быстро взбодрил - отключили горячую воду, а на кастрюльки у меня времени тупо нет.

Натягиваю чистую блузку. Пускай не новую, но вполне приличную. Светлая юбка-карандаш и выдавшие виды лодочки на каблуке дополняют образ.

В очередной раз стягиваю на затылке мокрые волосы и немного приглаживаю из гелем, чтобы не торчали.

Тушь для ресниц, немного хайлайтера и блеска для губ - вот и весь макияж.

Я бы хотела сегодня уделить своей внешности чуть бюольше внимания, но не судьба.

Будем брать естественной красотой.

Уже выбегая из дома, сверяюсь с «расписание» своих собеседований. На второе я еще успеваю впритык. А по поводу первого надо будет перезвонить.

Добираюсь без приключений и с тоской смотрю на кафешки и кофе-автоматы по пути.

Но времени на завтрак нет. Практически вбегаю в обшарпанное офисное здание с миллионом указателей разным фирм, что арендуют здесь место.

- Простоте, мне в «Вектор», - мило улыбаюсь у будки с охранником.

Я такое вижу впервые. Обычно ресепшен, в крайнем случае стойка или стол. А тут прям будка внутри здания.

- «Вектор»? Не знаю таких, - отрезает охранник, не отрываясь от телефона.

- Прошу, это точно здесь, - улыбаюсь шире. Но он и не смотрит.

- Миш, Мишка! - орет он кому-то.

А я вздрагиваю.

- У нас «Вектор» есть?

- Да, новенькие, на четвертом, - доносится ответ откуда-то из глубины коридора.

- По лестнице на четвертый и направо.

Я практически бегу. Старое советское здание, пропитанное эпохой восьмидесятых. Широкая лестница, отделанная давно потускневшим камнем и полированные деревянные перила.

Длинные темные коридоры с дверьми с двух сторон.

Когда-то это наверное было здание какого-нибудь НИИ или бюро. А сейчас не самое приятное «офисное» здание с налетом ушедшей эпохи.

На дверях на четвертом этаже висят таблички, но никак

не могу найти среди них «Вектор».

Пробую заглянуть в парочку «офисов», но там закрыто.

Бр... озноб берет.

Темный почти пустой этаж! Что же это за здание такое?

И фирма?

Наконец, самая последняя дверь, в закутке перед туалетом, та самая. С гордо напечатанном на принтере и вставленном в простой файл «Вектором».

Такое вообще бывает?

Стучусь и заглядываю внутрь.

На меня, всю в светло кремовом костюме смотрят три девушки в джинсах и два парня в спортивном трико.

- Компания «Вектор»? - зачем-то спрашиваю я. Наверное, потому что хочу ошибиться улицей. Зданием и офисом.

Мне дурно от одной мысли, что придётся здесь работать.

Большой общий кабинет. Семь компьютерных столов, прижатых друг к другу, драные стулья и кипы бумаг, валяющихся прямо на полу и на всех свободных поверхностях.

- Василиса Игоревна? - одна из девушек принимает важный вид, - вы опоздали.

Кошусь на замызганные, засиженные мухами часы над ее головой.

Ровно одиннадцать. И ни минутой позже. Я вовремя.

Но спорить не решаюсь.

А зря.

Спорить надо было начинать с самого начала.

Потому что девушка тут же вываливает передо мной гору ненужной мне информации, кипу бумаг и соглашений, а еще отказов от претензий и дополнительные договора.

- Стоп, стоп, стоп, - я приподнимаю руки и замечаю в ее глазах раздражение. - Прежде чем подписывать трудовой договор, давайте поговорим об оплате.

Она морщится, щелкает по клавиатуре с таким видом, как будто я у нее пришла денег занять и отвечает.

- Первые три месяца минималка, потому что вы на испытательном сроке. Дальше к минималке добавляются премия за качество. Отпуск две недели в год со второго года...

- Подождите, - мои глаза открываются все шире. - С какого второго года? Отпуск положен уже через полгода работы.

Она поджимает губы и закатывает глаза.

А я продолжаю.

- По телефону мы с вами обговаривали другую сумму заработной платы.

- Девушка, вы хотите все и сразу. Так не бывает, - она смеется все бумаги обратно в выдвижной ящик своего стола. - Если вас не устраивает, не занимайте мое время.

Я? Занимаю ее время?

А то у них тут народу толпа!

Поднимаюсь и, не прощаясь выхожу.

Это пиздец!

Настроение и так было ниже плинтуса. А теперь это вообще нет. Хоть плачь!

Радует только то, что я сейчас куплю себе кофе с карамельным сиропом и горячий круассан с шоколадом. И будем мне маленькое счастье.

В сумочке начинает очень настойчиво вибрировать смартфон.

- Да? - тороплюсь принять вызов.

- Василиса Игоревна? - раздаётся на том конце. - Это офис «Кавалери Билдинг» у вас назначено собеседование на половину первого.

- Да? - с замиранием сердца жду ее ответа. Не дай Бог они уже взяли кого-то на эту должность! Не дай Бог!

- У нас сдвинулось расписание, вы можете приехать сейчас?

- Прямо сейчас? - я удивлённо приподнимаю брови.

- Да, чем быстрее тем лучше!

- Я? Да, конечно! - отвечаю с готовностью и только после того, как скидываю вызов понимаю, что между мной и офисом «Кавалери Билдинг» как минимум полгорода! И пробки!

Твою мать!

Глава 12

Сама не своя я выскакиваю из здания и бегу.

Пока еще сама не понимаю куда.

Громко цокая каблуками, я забегаю в метро, спускаюсь вниз и запрыгиваю в уже закрывающиеся дверцы.

Есть!

Сажусь и тяжело дышу. Сверяюсь с часами.

Мне все равно ехать не меньше чем полчаса. И там еще пару кварталов бежать!

Но это мелочи. Если я смогу получить работу в «Кавалери Билдинг», это будет просто вау!

Одна из самых престижных строительных фирм не только города, но и страны.

Многომиллионные контракты, передовые технологии и огромный штат сотрудников.

Удача уже то, что я вообще смогла отправить им резюме. Обычно они не выкладывают вакансии в свободный доступ. А нанимают хэдхантеров, перекупают сотрудников у других контор.

Я конечно ни на что не рассчитываю...

Нет, черт возьми! Сжимаю ладони в кулаки!

Рассчитываю и еще как!

Мне позарез нужна эта работа!

Выскакиваю из метро на нудной станции.

Стараюсь идти спокойно, просто быстро, но уже через несколько метров опять срываюсь на бег.

Мне нужна эта работа. И я себе не прощу, если опаздаю на собеседование.

От одной мысли, что прямо сейчас собеседуют кого-то, кого могут сразу принять, мне становится дурно.

Поэтому я добегаю до огромного современного офисного здания за рекордные восемь минут.

Взлетаю по ступенькам и сразу бросаюсь к девушке на ресепшине.

- Здравствуйте, Василиса Игоревна Румянцева, я записана на собеседование.

Милая девушка кивает и сверяется с компьютером.

- Вас уже ждут, - отвечает она на мое приветствие. - Пятнадцатый этаж, кабинет номер 1580.

Киваю ей и совершенно уже некультурно бросаюсь к лифту.

Мне совершенно некогда разглядывать красоту вокруг.

Потому что я вижу, как открываются полированные дверцы лифта.

Если я не потороплюсь, он уедет и мне неизвестно сколько придётся ждать, когда он спустится обратно. А у меня сейчас каждая секунда на счету.

Я оббегаю охранника, уворачиваюсь от милой девушки в очках в золотой оправе, отскакиваю в сторону от курьера с бумагами и...

- Твою мать! - раздаётся холодящий душу рык за спиной.
Втягиваю голову в плечи и задыхаюсь.

Воздух просто отказывается проникать в легкие. Осознание надвигающейся катастрофы накрывает меня бетонной плитой.

Я на кого-то наступила, пока отступала и кружила между неожиданно высыпающими в холл людьми.

Чувствую под каблуком чью-то ногу.

Недовольный, разъяренный рык прокатывается по моему телу, заставляя приподняться волосы.

Чувствую горячие брызги на своих ногах.

Делаю шаг вперед.

Пространство сужается. Воздух вокруг становится тяжелым и напряжённым до предела.

Время растягивается в мерзкую жвачку.

Я медленно оборачиваюсь и пишу от ужаса.

Прямо передо мной возвышается огромный, словно скала мужчина.

Темные волосы сбились, почти черные глаза горят бешенством с яркими искрами удивления, по белоснежной рубашке расползается коричневое пятно от пролитого кофе, облепляя идеальный смутно знакомый торс.

Рвано выдыхаю.

Смуглая огромная ладонь сминает пустой картонный стаканчик из-под кофе и отбрасывает его в сторону.

Я взвизгиваю и отступаю назад.

- Так-так-так, - его чувственные губы складываются в ядовитую ухмылку по мере того, как мужчина разглядывает меня и узнает.

А я почти не сомневаюсь, что мой пятничный кошмар из клуба, тот, на кого я вылила аморетто, меня узнал.

Точно так же как я узнала его!

Такой же мощный, такой же совершенный и злой. И в очередной испорченной мной рубашке.

Меня парализует от страха.

Вдоль позвоночника струится холодный липкий пот, даже ладони покрываются испариной.

И все это ровно до того момента, как за моей спиной не раздаётся мелодичная трель приехавшего лифта.

- Простите, - попискиваю я и...

Разворачиваюсь на одних инстинктах и срываюсь с места.

- Стоять! - рявкает мужчина за моей спиной.

Но я не слушаюсь. Страх сильнее.

Я подлетаю к лифту как раз вовремя. Все желающие уже успели войти и нажать на нужный этаж, дверцы вздрагивают и начинают закрываться.

Вот между ними я и успеваю влететь и с замиранием сердца смотрю на все еще ухмыляющуюся улыбку пугающего до дрожи мужчины.

А его холодные, горящие странным голодом и жаждой места глаза заставляют мои ноги дрожать и подгибаться.

Ну ничего, - успокаиваю я себя, - сейчас я в безопасности.

Быстро завалю собеседование... эээ, пройду собеседование.
И смогу сбежать отсюда. Навсегда. Да. Именно так!

Решаю бодро.

Вот только почему-то внутри растет какое-то странное напряжение и предчувствие чего-то страшного!

Глава 13

На нужном мне этаже дверцы раскрываются с мелодичной трелью.

Сердце слишком громко и тревожно бьется в груди.

«Беги! Беги!» - пульсирует в голове.

Но я упрямо выхожу из лифта.

Я не могу позволить себе испугаться какого-то там... я даже слово для него не могу подобрать.

Монстра! Точно!

Огромный и страшный. Смуглая кожа, здоровенные ручки и такие пугающие черные бездонные глаза.

Бр.

По телу проходит озноб. Переступаю с ноги на ногу. Опускаю взгляд...

Твою мать! Да что же за непраха! Все колготки в мелких темных брызгах. От кофе, что этот монстра разлил на нас.

Острая боль простреливает виски. А на глаза наворачиваются слезы. Да что за день такой?

Вскидываю руку и сверяюсь с часами. У меня еще минута, максимум две до собеседования.

Ни переодеться, ни застирать свои вещи я не успею. У меня только один выход.

Я воровато оглядываюсь по сторонам. Длинный коридор пуст. Видимо все, кто хотел получить эту работу, уже сидят

внутри.

Резко выдыхаю и скидываю туфли.

Быстрыми рваными движениями стягиваю с себя грязные колготки. Мну их в руках и просто отправляю в ближайшую урну. Не идти же мне на собеседование с ними в руках. Ныряю обратно в лодочки на высоком каблуке и делаю шаг к дверям.

Выдыхаю, стараясь унять сбившееся дыхание и, наконец, стучу.

- Войдите! - раздается из-за двери.

Нажимаю на ручку и толкаю дверь вперед.

Смело шагаю в просторную приемную.

За столом быстро что-то печатает молодая девушка, она даже не поднимает на меня взгляд. Только интересуется.

- Ваше имя?

- Здравствуйте, мне звонили... - начинаю я.

Но девушка меня тут же обрывает.

- Ваше имя? - она так и не отрывается от монитора.

- Василиса Игоревна Румянцева.

- Садитесь, ожидайте. Вас вызовут.

Разворачиваюсь и с неприятным удивлением замечаю на кожаном диване и креслах еще несколько девушек.

И все они как одна с интересом и недобрыми усмешками разглядывают мои голые ноги.

Вот же... курицы!

Злюсь на себя, на МОНСТРА, на этих девиц.

Некоторые выглядят так, словно прямо перед ним взорвался солярий, ошпарив их лицо и подпалив выбеленные патлы. Но стоит отдать им должное, одеты они со вкусом. Хуже того, на каждой строгий темный костюм без единой складочки. Я же переминаюсь с ноги на ногу в светлой кремовой юбке и блузке в тех же тонах. И пиджака у меня нет.

Я считала, что мой наряд довольно офисный, но кажется, я ошиблась. Или я что-то проглядела в выставленном на сайте объявлении и там где-то было указано про дрес-код.

А если это действительно было указано, то я практически точно в пролете. В таких кампаниях, как «Кавалери Билдинг» в работниках ценят пунктуальность и умение точно следовать инструкциям.

Примерно к такому же выводу приходят и остальные претендентки, понимающе переглядываясь между собой.

Делаю вид, что не замечаю их кривых усмешек, прохожу вперед и сажусь ближе к выходу.

Сдаваться я не намерена. Или намерена?

Внутри ледяной волной поднимается волнение. Стоит мне вспомнить яростный взгляд черных глаз, что несколько минут назад облил меня презрением и жаром.

А если он тоже здесь работает? И я буду его видеть?

Холодной липкой волной страх растекается по спине. Блузка липнет к телу.

Сердце отбивает ритмичную дробь в груди. Тук-тук-тук-тук...

Немеют пальчики.

Я уже готова вскочить и извинившись исчезнуть. Но во время вспоминаю о бабушке.

И о матери!

Нет! Ты, мерзавка, не получишь НАШУ квартиру! Я сделаю все. Чтобы бабушка прожила долгую и счастливую жизнь! А для этого мне нужна хорошая работа!

Лекарства и реабилитация стоят недешево!

Уверенно киваю своим мыслям. Мы все еще сидим. Из зала никто не вышел. И никто туда не зашел.

Долго.

Томительно.

К горлу подступает тошнота. Желудок сжимается от голода и протяжно урчит.

Кофе! Как же я хочу кофе!

Замечаю в углу, за секретарём кофемашину и набираюсь наглости попросить.

- Простите, - стараюсь привлечь внимание работницы. - Можно попросить у вас чашечку кофе?

Она от удивления даже печатать перестает и поднимает на меня глаза, полные странной смеси из тревоги и любопытства.

Впрочем она быстро возвращает им выражение холодной отстранённости, пожимает плечами и отвечает.

- Если умеете пользоваться, то пожалуйста.

Я даже подскакиваю с дивана под недовольное сопение

других претенденток.

Но мне плевать. Я с самого вчерашнего утра или позавчерашнего вечера ничего не ела. У меня уже желудок прилип к позвоночнику.

Поэтому быстро пересекаю приемную и встаю у кофемашины. Проверяю наличие зерен, воды, нахожу внизу, в тумбе белоснежную чашку, блюдце, ложечку и сахар.

Складываю все это вместе и задаю нужную мне программу.

На самом деле ничего страшного или сложного здесь нет. Кофемашина делает все сама.

Поэтому уже через минуту у меня в руках дымится ароматная чашечка настоящего свежесваренного кофе.

Жадно втягиваю его аромат и только собираюсь отпить, как дверь в приемную с грохотом распахивается и на пороге стоит НО.

Мой ночной кошмар! Мой пятничный ужас!

Монстр из холла с уродливым мокрым кофейным пятном на белоснежной рубашке.

Он обводит каждую претендентку внимательным взглядом. Мне даже кажется, что он ищет кого-то особенного.

Но не находит. Поэтому мрачнеет.

На меня он даже не смотрит. Поэтому я могу тихо выдохнуть и стараться не отсвечивать.

Он просто перепутал кабинеты, - успокаиваю я себя. - Сейчас он развернется и уйдет и все будет как прежде.

Но моим мечтам не суждено сбыться, он с уверенностью проходит в кабинет эйчера и произносит громко и четко.

- Марина Леонидовна, мне срочно нужна секретарша. И прямо сейчас собираюсь пересмотреть всех кандидаток лично!

Ну все, хуже уже быть не может!

Это я так думала!

Глава 14

Этот странный, опасный и пугающий меня до дрожи мужчина исчезает в кабинете.

Дверь за ним с грохотом закрывается.

Я делаю большой глоток обжигающего напитка.

Выдыхаю и ставлю чашечку на стол рядом с кофемашиной.

- Простите, - шепчу едва слышно. Потому что боюсь, что ОН сможет меня услышать. - Мне нужно в уборную.

Пульс отбивает нервную дробь в висках. Во рту собирается горькая слюна и я никак не могу ее проглотить.

Моментально взмокнувшая блуза неприятно облепила тело.

На этот раз секретарь не просто перестала что-то печатать на компьютере, но даже развернулась, чтобы на меня посмотреть. Наверное, такой невероятной ей показалась моя фраза.

Остальные претендентки делают то же самое - прячутся на меня с выражением недоумения на лице.

Как я могу уходить сейчас? - читаю на их лицах.

Но совершенно не могу понять причину такого удивления.

Может мне реально приперло в туалет? Что мне терпеть?

Тем более собеседование явно затянется, пока ОН не выберет себе секретаршу.

А так как я претендовала совершенно на другую долж-

ность, то ждать мне еще долго. Надо было бы. Если ИМ не оказался мой «не старый» и «не добрый» знакомый.

Поэтому сбедать сейчас - это лучшее, что приходит мне на ум.

Я выскальзываю из-за спины секретаря, прижимаю в груди сумочку и папку со своими документами и стараясь не сиучать каблуками по дороговому паркету быстро иду к двери.

Первой отмирает секретарь.

- Дамская комната в конце коридора, справа от лифта.

- Ага, спасибо, - киваю я, зная, что не собираюсь ей пользоваться.

Только стоит мне взяться за ручку двери, как позади распахивается дверь в кабинет эйчера.

Я замираю, хотя надо бежать со всех ног.

Ощущаю спиной ее заинтересованный взгляд и втягиваю голову в плечи, когда она произносит хорошо поставленным голосом.

- Василиса Игоревна Румянцева.

Я вздрагиваю.

- Прошу вас.

На негнущихся ногах я разворачиваюсь.

Встречаюсь с эйчором взглядом.

Ухоженная светловолосая женщина средних лет. Довольно мягкие черты лица не могут меня обмануть. В ее глазах сверкает твердость и уверенность в себе. И она не дает мне ни единого шанса отказаться и сбежать.

Она одна из тех, кому не принято отказывать, как бы странно это ни звучало.

Я обречённо выдыхаю и иду за ней.

За спиной раздаются удивленные и недовольные шепотки других девушек, но никто из них не отваживается повысить голос и возмутиться происходящим.

И это тоже удивляет меня.

Но больше всего меня пугает ТОТ, кого я должна увидеть в кабинете.

Я захожу, прикрываю за собой дверь и так и остаюсь у входа.

Не думаю, что мое собеседование продлится долго.

- Проходите, Василиса Игоревна, - эйчар добавляет настойчивости в голос, и я подхожу к столу, стараясь рассмотреть весь ее огромный кабинет и, наконец, увидеть ЕГО,

Но к моему удивлению кабинет пуст.

В нем только мы.

Я медленно выдыхаю и судорожно соображаю, что это было: мистическое испарение или галлюцинации?

- Присаживайтесь, - «предлагает» мне эйчар. и сама садится за свой рабочий стол, открывает на компьютере мой файл и быстро его изучает. - У вас неплохое образование...

Ее брови приподнимаются.

- Вы стажировались в Штатах?

- Да, - киваю, ерзая на стуле и стараюсь украдкой обернуться.

Потому что я понимаю, что люди не исчезают из закрытых кабинетов. Но взгляд эйчера не отпускает.

- Да, еще раз повторяю я.

Стажировка в Штатах была моей гордостью и главным козырем. Я мечтала поехать, но не мечтала, что смогу на нее попасть, потому что у меня не было денег на билеты. Но бабушка настояла. Сняла свою пенсию и вручила мне деньги. Практически заставила написать заявление и купить билеты.

И я ни о чем не жалею. Потому что в спорных моментах эта стажировка всегда склоняла чашу весов в мою сторону. Даже при защите диплома.

Но сейчас я почти жалею о том, что указала ее в своем резюме.

- Неплохо, - кивает эйчар. - Почему вы ушли с предыдущего места работы?

- Потому что это была затянувшаяся подработка во время учебы, - отвечаю с готовностью.

- Но у вас были и другие места работ.

- Да, я работала по договору на удаленке. Проверяла сметы, чертежи и планы по постройке небольших одноэтажных домов коттеджного типа. Искала ошибки или немного перерабатывала купленные проекты под требования заказчика.

- Замечательно, - она откидывается на спинку кресла, сцепляет ладони в замок и пристально изучает меня не меньше минуты.

Молча скользит тяжелым нечитаемым взглядом.

И мне совершенно не нравится это.

Есть в этой женщине что-то опасное, хищное. И я ей не нравлюсь. Я в этом уверена.

Я ощущаю это каждым сантиметром кожи.

Но почему она просто не отправит меня, я понять не могу.

- К сожалению, на должность, на которую вы претендуете мы уже выбрали сотрудника...

Я выдыхаю с облегчением.

Правда. Даже разочарования нет. Почти нет.

Есть только желание сбежать как можно быстрее из этого места.

- Но, - эйчар подается вперед. - Вы идеально подходите нам на другую должность.

- Другую? - мои брови взлетают вверх.

А сердце начинает стучать как бешеное, уже догадываясь, что мне сейчас предложат.

- Нашему руководителю, Замиру Назировичу Османову срочно нужен секретарь, хотела бы предложить вам эту должность, - взгляд ее холодных голубых глаз пронзает меня.

И если ее голос полон мягкого убеждения. То взгляд говорит мне «только попробуй согласишься».

Икаю от удивления и неожиданности.

- Но я не секретарь, - моргаю удивлённо. - Я не училась...

- Ваше образование позволит вам вникнуть в дела, кофе варить на кофемашине больших навыков не требует... - перечисляет она буднично, но при этом ее взгляд уже практикти-

чески полыхает ненавистью ко мне.

Я теряюсь, не зная, что ей ответить. И что заставляет ее с одной стороны уговаривать меня, а с другой так открыто и явно предостерегать.

- И зарплата... - ее губы расплываются в хищном оскале.
- Довольно! - раздается хриплый мужской баритон слева от меня.

Я леденею. У меня немеют руки и ноги, а по спине снова и снова стекают капельки холодного пота.

Хуже того, точно такие же капельки стекают и по ложбинке между грудей, а от охватившего меня вмиг страха и озноба соски собираются в упругие горошинки, которые теперь приподнимают кружевные чашечки и норовят прорвать тонкую ткань блузы.

- Замир Назирович, - эйчар кивает ему с готовностью выслушать. Но вот ее холодные голубые глаза неожиданно вспыхивают интересом и удовольствием.

Что это? Слепое подчинение начальству? Или что-то большее?

- Василиса Игоревна идеально подходит мне на роль секретаря, - выдыхает мужчина и подходит ближе.

Закусываю губу, чтобы не закричать.

Я даже повернуться в его сторону боюсь, чтобы посмотреть где он все это время прятался.

За его спиной хлопает замаскированная под стеновые панели дверь. И я вздрагиваю.

Все мои нервы натягиваются до предела.

Я вытягиваюсь в струнку на самом краешке стула.

- Она еще не ответила согласием, - мягко возражает эйчар своему боссу.

И вообще все, что происходит в этом кабинете мне кажется каким сюрром, безумием.

Как будто это происходит не со мной.

Я медленно поднимаюсь, поправляю приподнявшуюся юбку и собираюсь извиниться.

Эта работа мне не подходит.

Я не могу работать с НИМ. Это не возможно.

Рядом с этим пугающим своей мощью мужчиной я даже дышать спокойно не могу.

Но ничего сказать я не успеваю.

Османов подходит ко мне вплотную, до боли впивается в мой локоть и тянет на выход.

- Марина Леонидовна, - бросает он через плечо, - оформите все документы, Василиса Игоревна приступает немедленно! Я ТАК РЕШИЛ!

Глава 15

Мужчина, не выпуская моей руки, направляется к выходу. Он тянет меня за собой как на буксире.

Резко, властно. Не давая опомниться и сбежать.

Его пальцы до боли впиваются в мой локоть. Сжимает все крепче.

Я морщусь от боли и думаю о том, что останутся следы. Но этого МОНСТРА ничего не останавливает.

Он распахивает дверь в приемную, быстрым шагом пересекает ее. А я семеню за ним следом.

Лица девушек на диване вытягиваются. Успеваю заметить в их взглядах удивление и зависть.

Дуры! Да я что угодно отдала бы, чтобы поменяться с любой из вас местами.

Но мне никто не позволит этого сделать.

Замир Назирович вытаскивает меня в коридор, тянет за собой и дальше, пока, наконец, не останавливается перед массивной дверью.

Разблокирует ее электронным ключом и заталкивает меня внутрь.

Мы вдвоем оказываемся в роскошной приемной. Светлый паркет на полу, настоящий дубовый стол, моноблок одной очень известной фирмы. В углу огромное multifunctional устройство, совмещающее в себе функции прин-

тера, сканера, факса и копира. К тому же на нем можно печатать документы не только в формате А4, но и А3. У нас в универе был такой, только ооочень старенький. Работал через раз, часто ломался и плевался тонером, если ему что-то не нравилось. Но мы все равно на него молились.

А здесь стоит последняя модель.

Это же стоит просто нереально дорого!

В другом углу стоит кофе машина. В баре я вижу большой пакет с дорогим кофе и настоящий костяной фарфор.

За моей спиной словно выстрел раздается щелчок запираемого замка.

Я резко выдыхаю и оборачиваюсь.

Прямо напротив меня застывает Замир Назирович. Мощный, высокий, в облепившей его торс мокрой рубашке и с яростным блеском в черных глазах.

- Я все могу объяснить, - шепчу и отступаю.

- Да? - он удивленно приподнимает одну бровь. - Попробуй...

Он делает шаг ко мне, а я отступаю еще.

Мужчина поднимает руку, находит на ворота первую пуговицу и расстёгивает.

- Я ... - облизываю пересохшие губы. - Это все какое-то недоразумение.

- Я так и думал, - недобро усмехается он и переходит ко второй пуговице.

- В пятницу, в клубе. Это была игра. Гадание. Понимаете?

- я вспыхиваю, стоит мне увидеть, как в растущем вырезе я вижу литые мускулы и мощную грудь.

- Ага, - он расстёгивает последнюю пуговицу и стягивает с плеч тонкий шелк.

При этом его руки бугрятся и напрягаются. Мышцы перекатываются под смуглой бархатистой кожей.

Дернув и выдрав с манжет пуговицы вместе с «мясом», Замир Назирович отбрасывает рубашку на пол, а сам надвигается на меня.

- Я не виновата! - я нервничаю. - Я не хотела!

- Тебе надо было остаться в клубе и согласиться на мои условия. В пятницу. Отработала бы рубашку и была бы свободна, - шепчет он неласково.

- Нет! - я вспыхиваю от возмущения и ярости.

Нашел, что предложить! Никогда!

Я дергаюсь к двери, собираясь обойти своего неприятного знакомого.

- Не так быстро, - перехватывает меня Замир Назирович.
- Тебя еще никто не отпускал.

- А я и не спрашивала разрешения, - выдавливаю из себя.

- Дерзкая? - Замир Назирович перехватывает меня за плечи и притягивает к себе.

Его горячая бархатистая кожа обжигает, его дыхание на моих губах заставляет судорожно сглотнуть. Его запах, длинные пальцы, что прямо сейчас впиваются в мои плечи, черные, горячие яростью и возбуждением глаза. Все это пугает.

До дрожи, до панического страха, до оцепенения.

- Я люблю дерзких кобылок, - он подается вперед. - Их так приятно объезжать.

Его влажный язык скользит по сухим и неожиданно малящим губам.

- Простите, - стараюсь выскочить из его рук. Но ничего не выходит. - Замир Назирович, я не хотела. Это была роковая случайность. Стечение обстоятельств. Но я прямо сейчас готова искупить свою вину и отработать. Но...

- Я уж думал. Ты никогда не попросишь, - усмехается мужчина. - На колени!

Я так и замираю перед ним, открывая и закрывая рот.

- Да, да, ты не ослышалась. Милашка. На колени и начинай отрабатывать мои испорченные вещи! Я люблю глубокий горловой минет и когда глотают я тоже люблю.

Глава 16

- Я не... - договорить не успеваю.

Он грубо хватает меня за руку и дёргает на себя.

Торопливо переступаю в туфлях на высоких каблуках и практически падаю в его объятия.

Мои ладони обжигает жаром его тела.

Вздрагиваю от мощнейшего импульса, что пробивает моё тело от одного единственного прикосновения.

- Я хочу тебя, - рычит он мне на ухо. - С пятницы не могу выкинуть тебя из головы...

Его ладони скользят по моим рукам, мнут тонкую ткань блузки. Соскальзывают на грудь, сжимают до боли налитые полукружия. Да так сильно, что блузка начинает трещать по швам, а самая верхняя пуговица отскакивает и улетает в сторону.

- Не надо... - шепчу испуганно.

- О, тебе понравится, - он прижимает меня к стене, нависает сверху.

Согнутым пальцем поддевает мой подбородок, несколько бесконечно долгих секунд разглядывает моё побледневшее лицо, изучает мои губы и порывисто наклоняется.

Он властно и требовательно впивается в мои губы грубым поцелуем.

Он даже не целует, он полностью уничтожает меня и лю-

бое сопротивление.

Обхватывает крепко, языком раздвигает мои губы и врывается внутрь. Не даёт сопротивляться, подчиняет волю и мой язык. Проталкивается все глубже и глубже, попутно облизывая мои губы, нёбо, сплетаясь с моим языком и тут же заставляя его отступить.

Я жалобно постанываю, но сделать ничего не могу.

И не просто потому что он сильнее. Я просто оказываюсь не готова к такому натиску.

Стремительные, полностью подчиняющие себе действия.

Грубые ласки, жёсткий поцелуй, его дурманящий запах и острота новых ощущений - все это полностью парализует мою волю. Но хуже того - с каждой секундой, что длится этот грубый поцелуй, когда мои губы сминают, а глотку практически трахают, сердце в моей груди бьётся все чаще и тревожнее. Кровь. Струящаяся по венам, становится все горячее и несдержаннее. Она бурлит и окатывает меня волнами. Воспламеняет низ живота, обжигает промежность и пульсирует внутри острым желанием.

Я никогда не испытывала ничего подобного. Страх и паника, унижение и болезненное удовольствие сплетаются вместе, вызывая какое-то поистине нездоровое желание.

Мужчина подхватывает ворот моей блузки и просто держит в разные стороны. Пуговицы градом осыпаются на паркет.

Он резко дёргает кружевные чашечки лифа вниз, осво-

бождая налившуюся желанием и томлением грудь.

На этот раз он не мнёт её и не гладит. Находит соски, едва обводит их по кругу подушечками пальцев и тут же сжимает.

Впивается и крутит упругие тёмные горошины, вызывая внутри целую бурю эмоций.

Я выгибаюсь и дрожу. Переминаюсь с ноги на ногу и пытаюсь свести бедра вместе.

Но он мне не даёт.

Вклинивается коленом между моих ног, заставляет развести их шире.

Одной рукой продолжает терзать сосок, другой тянет юбку вверх.

- Нет! - захлёбываюсь от возбуждения, но остатками сознания цепляюсь за эту мысль.

Нельзя! Бежать! Не хочу!

Но сделать ничего не успеваю.

Потому что Замир Назирович уже вздёргивает юбку мне на талию и подцепляет пальцем тонкую полосочку моих насквозь мокрых от желания трусиков.

- Говоришь нет? - он улыбается зло, с превосходством.

А сам касается пальцами набухших складок.

Проходится вдоль ложбинки между ними и собирает сочащуюся из меня влагу.

- А я уверен. Что ДА! - рычит он мне на ухо и жадно впивается в шею.

Я вздрагиваю и полностью теряюсь в ощущениях.

Его жадный жалящий поцелуй в шею заставляет меня дрожать. Я закусываю губу до боли. Лишь бы не попросить его не прекращать.

Его пальцы надавливают чуть сильнее на складки и проваливаются в мягкую податливую плоть. Замирают у самого входа во влагалище.

Чтобы в следующую секунду ворваться внутрь.

Я вскрикиваю и получаю укус в шею и грубые ритмичные движения внутри себя.

Моё сознание плывёт от его умелых прикосновений.

Я вся превращаюсь в один оголённый нерв. Я жажду его прикосновений, пускай грубых, но таких приятных.

Ласки, укусы, мощные толчки, все это заставляет меня постанывать и извиваться в его руках.

Кожа вспыхивает и горит, по груди и рукам ползут мурашки.

Внутри все дрожит от предвкушения и ожидания скорой развязки.

Внизу живота скручивается тугая пружина будущего наслаждения. Виток за витком она увеличивается и заставляет ждать её с замиранием сердца.

Внизу случается потоп. Из меня сочатся соки. Я чувствую, как капли стекают по бедру. Пальцы Замира скользят во мне с влажным чавканьем.

Что вызывает злую усмешку на его лице.

- А сейчас, малышка, ты получишь кое что большее...

Глава 17

Моё сознание уже поплыло.
 Я не могу нормально думать.
 Я вся - один оголённый нерв, на котором Замир Назирович умело играет, затрагивая самые чувственные струны.
 Его пальцы медленно выскальзывают из меня.
 Я судорожно хватаю ртом воздух и опускаю ладошки на обжигающую мужскую грудь.
 Но он не позволяет мне отстраниться.
 Наоборот, придавливает к стене, практически накрывает собой.
 Жадно втягивает мой запах, рычит и тянется к пряжке ремня.
 В звенящей тишине лязгает пряжка, следом раздаётся оглушительно громкий звук расстёгиваемой молнии.
 - Расслабься, малышка, — выдыхает он мне на ухо, — тебе понравится...
 Его руки ложатся на мои голые ягодицы, сжимают их до боли и заставляют закинуть ногу ему на талию.
 Смотрю затуманенным взглядом на мужчину и вижу безумное делание в его глазах. Острый голод, похоть и восхищение.
 Никто и никогда не смотрел на меня так.
 И этот взгляд вместе с моими взбушевавшимися гормонами пьянит сильнее.
 Его прикосновения, то нежные и лёгкие. То яростный и болезненные заставляют меня извиваться, стонать и жаждать продолжения.
 И тут же его получаю.
 Упругая горящая головка упирается мне в лобок. Резко соскальзывает ниже, кружит у самого входа во влагалище.
 - Такая

нежная, — хрипит мужчина. - Дикая и мокрая... и моя!
Он резко толкается вперёд.
Напряжённый мощный член одним слитным движением пронзает меня до самого основания.
Я вскрикиваю и напрягаюсь.
Это невозможно!
Это так остро, так больно, так...
- Дыши! — рычит он и массирует мои ягодицы.
Но я не могу...
Его много.
Слишком много!
Он разрывает меня изнутри!
Мне неприятно, мне больно!
- Нет, нет... — шепчу я и трясую головой. Сжимаю кулачки и бью его по груди, ёрзаю в его руках и жадно хватаю ртом воздух.
Но он не выпускается.
Одной рукой он до боли впивается в моё бедро, не давая мне соскользнуть.
А другой проскальзывает между нашими телами, находит напряжённую горошину клитора и ловит её в плен между двух пальцев.
- Расслабься, — приказывает он.
Но я не могу! С каждой секундой мне всё...
Его пальцы на моём клиторе приходят в движение. Ласкают нежно, едва касаясь.
Кружат, сжимая горошину сильнее.
- Нет! — я дёргаюсь. Но он держит крепко.
Не выпускается.
Но и не двигается.
Замирает. Мышцы на его груди превращаются в сталь. Вздываются под смуглой кожей.
А вот его пальцы на моём клиторе вытворяют что-то невообразимое.
Скользят по кругу, терзая чувственную плоть. С каждым кругом ускоряют темп.
Дышу всё чаще и снова закусываю губу.
Сердце стучит в груди как безумное. Всё чаще и трепетнее. Сбивается с ритма и бьётся о груд-

ную стенку.
 Возбуждение жаром прокатывается по телу.
 Низ живота вспыхивает и горит. Наслаждение наслаивается витками, скручивается в тугую пружину, готовую вот-вот лопнуть.
 Раскрытым ртом хватаю воздух.
 - Давай, малышка, вот так, ещё чуть-чуть, — рычит он.
 И я расслабляюсь в его руках.
 Отпускаю чёртову ситуацию.
 Хочу, чтобы это быстрее случилось.
 Всхлипываю и жажду разрядки.
 Ещё одно его прикосновение к набухшему клитору, и внутри меня взрывается напряжение.
 Моё тело выгибается и бьётся в экстазе от накатившего наслаждения.
 Вот только Замир Назирович не отпускает меня. Наоборот.
 Пока я вздрагиваю и хриплю, он перехватывает меня за бёдра, чуть отстраняется и тут же резко толкается вперёд.
 Его напряжённая головка раздвигает мои пульсирующие стенки и упирается в свод влагалище.
 Всё происходит быстро. Остро и чувственно.
 Боли больше нет.
 Есть острая нужда.
 Нужда в продолжении.
 Нужда быть ближе и плавится в его руках.
 Нужда в разрядке.
 Его ладони на моей обнажённой коже обжигают.
 Его горячее дыхание смешивается с моим.
 Его рык сливается с моими стонами.
 По комнате плывёт томный запах нашей страсти, пьянит и дурманит.
 Я закидываю руки Замиру на плечи, прижимаюсь к нему всем телом и стараюсь подстроиться под него.
 Он ускоряется, его бёрда как заведённые вдвбливают член в меня.
 И я больше не сдерживаюсь, кричу и

молю не останавливаться, пока в какой-то момент не вспыхиваю как свечка.
Внутри меня взрывается копившееся напряжение. Огненной волной оно окатывает меня, заставляет сжаться каждый нерв, трепетать каждую мышцу.
Я вся выгибаюсь и бьюсь в конвульсиях от наслаждения и разрядки.
Мужчина резко толкается в меня на всю длину своего огромного члена и замирает.
Под моими ладонями каменеют его мышцы. Он яростно рычит и мощно содрогается всем телом.
Внутри меня подрагивает его член, выплёскивая сперму.
Сквозь уплывающее сознание едва могу различить грохот двери где-то совсем рядом.
- Замир Назирович, Марина Леонидовна просила передать... — в мой пошатнувшийся мир врывается до боли и отвращения знакомый голос. - Васька, ты...
С усилием отстраняюсь от мужчины, соскальзываю по нему вниз.
Его всё ещё напряжённый член выскальзывает из меня, выстреливая остатками спермы мне на бёдра.
Я неторопливо опускаю юбку и запахиваю разодранную на груди блузку.
Откидываю выбившиеся из причёски локоны и с превосходством смотрю на свою мать, что поражённой статуей застыла в дверях.
В конце концов, что мне ещё остаётся?

Глава 18

Едва заметным движением под напряжённым взглядом матери поправляю бюстгальтер, не торопясь, заправляю мятую блузу в юбку.
Провожу пальцем по губам, стирая, скорее всего, смазанную помаду.
- Простите, господин Османов, — стараюсь говорить ровно и не смотреть ни на кого в этой комнате, — но мне не подходят условия. Слишком много, знаете ли, подводных камней.
Внутри всё дрожит от напряжения и острого чувства стыда. Но ни один из них не должен это заметить. Они просто недостойны видеть мою слабость.
Подхватываю со стола свою сумку и папку с документами, зажимаю светлый кожаный ремешок в кулак до боли и поправляю на ноге светлую поношенную лодочку.
Собрав волю в кулак, медленно иду к двери. Каждый шаг даётся мне с трудом, потому что я чувствую на себе яростный, всё ещё полыхающий желанием взгляд Замира Османова и полный ненависти взгляд матери.
- Василиса, — цепкая хватка на моём локте заставляет меня остановиться. - Я не отпускал тебя, а ты... — бросает он моей матери, — выйди!
Лицо матери, натёртое до блеска дорогими кремами и пудрами, идёт красными пятнами. Но спорить со своим боссом она не решается.
Я понятия не имела, что мать работает.
Тем более на Османова.
Почему же она так отчаянно пытается отобрать у нас с бабушкой

каждую копейку?
 Господи, да она даже до кражи моих личных вещей опускается! О чём я говорю?
 Но это уже лирика.
 Сейчас же меня ждут очередные разборки.
 Перевожу взгляд на Османова. Стараюсь сохранить спокойствие и придать лицу брезгливое равнодушие. Получается плохо, потому что его близость, его горячие пальцы на моём локте заставляют моё тело мелко подрагивать, а сердце стучать всё чаще и тревожнее.
 - Если ты не поняла, — он наклоняется ко мне, нависает, отрезая пути отхода, — только я решаю, кто и когда уходит из моего кабинета.
 - Я не ваша подчинённая, — отвожу взгляд, потому что не могу выдерживать живого огня в его глазах, который выжигает меня изнутри, — и вряд ли когда-то ей стану.
 - Но тебе нужна работа, — он сжимает мой локоть о боли, заставляя вновь посмотреть в его чёрные бездонные омуты.
 - Нужна, — неохотно соглашаюсь я. - Но не настолько...
 Я отчаянно вру и надеюсь, что он мне поверит.
 - Да? А мне казалось, что ты готова на всё ради этой работы... — его взгляд темнеет. А воздух вокруг вновь густеет, наполняется мускусным ароматом его тела и нашего желания.
 - Вы ошиблись, — я со всей силы дёргаю руку. - И это...
 Обвожу его кабинет затуманенным взглядом.
 - ... это было ошибкой.
 Его чёрные глаза наливаются свинцовой яростью и обещанием жестоко наказать меня за эти слова.
 По коже вдоль позвоночника проносится стая испуганных мурашек. Огромным усилием стараюсь загнать их обратно

под кожу.
 - Но вы, если хотите, можете считать это платой за испорченные выходные и вашу дорогую рубашку. Я так понимаю, извинениями и деньгами вы такие моменты решать не привыкли.
 Разворачиваюсь и вылетаю из кабинета.
 Практически бегу по длинному коридору, чекая каждый шаг и не оглядываясь.
 Но у лифта меня ждёт очередной сюрприз в лице моей матери.
 Она преграждает мне дорогу.
 - Уйди, — рычу на неё.
 - И не подумаю, — рывкает она зло. Оглядывается и хватается за руку.
 Да что это за день такой?
 Мало мне Османова во всей красе, матери, так они ещё все пытаются схватить меня и куда-то затащить!
 Вот и мать открывает первую попавшуюся дверь и заталкивает меня в подсобку, полную ведер, метёлок и тряпок.
 - Что ты здесь делаешь, Василиса? — произносит она с презрением, подрагивая от едва сдерживаемого гнева.
 - Не твоё дело! — цежу сквозь зубы.
 - Решила меня опозорить? — не унимается она, нервно поправляя и без того идеальную причёску.
 - Тебя? Это сложно сделать...
 На секунду её взгляд светлеет, а губы расплываются в подобии улыбки, пока я не продолжаю.
 - Ты сама себя позоришь на каждом углу. Больше этого я вряд ли смогу что-то сделать!
 - Мерзавка! — она бросается на меня, заносит руку для пощёчины.
 Но прямо сейчас я оказываюсь проворнее и злее. Просто перехватываю её руку и сжимаю так сильно, как только могу.
 - Никогда не смей даже замахиваться на меня! Поняла?

Она морщится от боли и шипит.
 - Я запрещаю тебе работать на Османова. Выйдешь и забудь сюда дорогу...
 - Ты? Запрещаешь мне? — при всей абсурдности ситуации я едва могу сдержать смех. - Ты уже давно потеряла право что-то мне запрещать и советовать. Только я сама буду решать, где мне работать и как себя вести! А теперь мне пора! Резко захотелось помыться после посещения вашей конторы.
 Я отталкиваю от себя её руку и пинком распахиваю дверь подсобки.
 - Я этого так не оставляю, — шипит мать мне вслед.
 - Мне плевать, что ты собираешься делать! — высоко поднимаю голову. - Но если у тебя так много свободного времени, то в следующий раз вместо того, чтобы воровать мои ношенные трусы, лучше навести бабушку в больнице!
 Я намеренно повышаю голос, когда распахиваются дверцы лифта и выпускают стайку соискательниц.
 Их заинтересованные взгляды проходятся по-моему, скажем так, неоднозначному виду и впиваются в рычащую от бессильной злобы мать за моей спиной.
 Один -ноль, мама!

Глава 19

Не помню, как выскакиваю из здания и как добираюсь до дома.
 У двери квартиры меня уже колотит.
 Дрожащими пальцами я не могу попасть ключом в замочную скважину.
 - Вася, что случилось? С Ирой что? — как чёрт из табакерки прямо передо мной выскакивает тётя Таня.
 Я вздрагиваю и роняю ключи. С громким звоном они падают к моим ногам, соседка с удивительным для её возраста проворством наклоняется и поднимает их.
 - Давай, давай, милая, — она осторожно оттесняет меня от двери, и сама отпирает замок, пропускает меня вперёд в тёмную крохотную прихожку и захлопывает за нашими спинами дверь. - Тебе надо поесть и успокоиться.
 Она обнимает меня за плечи, поправляет съехавший ворот блузки и не задаёт лишних вопросов.
 Хотя я уверена, что они у неё есть.
 Старой мудрой женщине хватает одного взгляда на мои голые ноги, растёртые без колгот в кровь пятки и оторванные пуговицы на блузке. Но она молчит, доводит меня до ванной, вручает пушистое полотенце.
 - Умывайся, — мягко подталкивает она меня, — а я пока заварю чай.
 Возражений она не примет. Да мне и не хочется возражать.
 Потому что прямо сейчас я как никогда близка к истерике.
 Всё, что произошло за последние несколько дней, оказалось для меня непосильной ношей. Бабушкин инсульт. Очеред-

ной визит матери и её громкое заявление о наследстве, а сегодня...
 Губы начинают дрожать, и я спешу скрыться в ванной от пронизательного взгляда соседки.
 Скидываю прямо на пол светлую, перемазанную спермой юбку, следом падают мои мокрые насквозь трусики, блузку я мну в руках и зло отбрасываю в сторону. Она теперь годится только на тряпки.
 На глазах выступают непрошенные слёзы.
 И мне не жалко саму блузку, она уже старая и вообще никогда мне не нравилась. Просто мне заменить её нечем!
 Всё, что у меня было нового или приличного, утащила мать. Она словно чувствует, когда я что-то покупаю, сторожит и тут же выносит. А я не могу...
 Забираюсь в старенькую чугунную ванную с шершавой от времени эмалью.
 Включаю горячую воду и подставляю под упругие струи лицо.
 Я просто не могу!
 Рыдания рвутся наружу.
 Огнём и болью они разрывают мне грудь, не дают вздохнуть, не дают просто спокойно подумать!
 Как мне всё это пережить?
 Я думала, что я сильная! Что я всё смогу сама вынести! Что я смогу дать матери отпор, сделать бабушку счастливой, возможно, свозить её как-нибудь куда-нибудь на отдых.
 Господи, да хотя бы купить ей путёвку в санаторий!
 Только чтобы мать не знала!
 Я была уверена, что чёрная полоса не может длиться вечно и что из-за туч хоть однажды, пускай не надолго должно выгнать солнышко.
 Но нет! Не в этой жизни.
 Я яростно тру лицо руками. Что мне теперь делать?
 Денег почти не оста-

лось. Работы нет.
 Бабушка в больнице. И ей нужны лекарства, а в скором будущем реабилитация.
 Я очень на это надеюсь. Потому что думать о плохом я просто не могу и не хочу!
 А как оставить бабушку дома одну? Ей нужна будет сиделка!
 А если мать заявится?
 От воспоминаний о её напудренном холеном личике и надменном взгляде внутри всё переворачивается.
 Ну ладно я. Меня она никогда не любила. Поэтому и скинула на бабушку.
 Но бабушка! Как можно так по-свински относиться к ней? Она ведь в нас всю душу вкладывает. Всю себя, без остатка!
 А от родной дочери получила только лихо!
 Неблагодарная тварь!
 Сжимаю кулачки до хруста и выдыхаю.
 Закрываю воду и кутаюсь в старенький махровый халат.
 Выхожу из ванной, если не спокойной, то по крайней мере уже не на грани истерики.
 Сейчас что-нибудь перекушу и сяду дальше искать работу.
 В голове проносится шальная мысль вернуться в тот странный офис, но я тут же отбрасываю её.
 Прорвёмся. Я уверена, что смогу что-нибудь подобрать.
 В крайнем случае наберу подработок на удалёнке. От голода не умру, а дальше видно будет.
 Иду на запах котлет с картошечкой. Такой бывает только дома. Ароматный, мясной с примесью тепла и любви.
 Вот только откуда?
 Захожу на кухню и с благодарностью смотрю на соседку. Которая принесла из дома глубокую тарелку с пюре и котлетками.
 Но почти тут же я перевожу удивлённый взгляд с тёти Тани на мою подругу Таню, что с

удовольствием уплетает котлету прямо руками и светится от счастья. Словно это не её жених изменил ей накануне свадьбы!
Точно! Танина свадьба! Она же должна была быть в субботу! А я про всё на свете забыла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.